

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к
прикладным задачам

Монография

Тюмень
2022

УДК 004.8
ББК А66
И868

Авторы:

Кутейников Дмитрий Леонидович, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Ижаев Осман Аликович, заместитель директора Института бизнес-права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Зенин Сергей Сергеевич, директор Института государства и права Тюменского государственного университета, проректор Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Лебедев Валериан Алексеевич, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Рецензенты:

Полякова Татьяна Анатольевна, заведующая Сектором информационного права ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, действительный государственный советник юстиции РФ 3 класса, почетный работник юстиции

Минбалеев Алексей Владимирович, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень, 2022. – 130 с.

Настоящая монография представляет собой междисциплинарное исследование фундаментальных проблем и прикладных задач правового регулирования использования систем искусственного интеллекта (ИИ). В работе рассмотрено влияние технологических революций на развитие общественных отношений, вследствие которого менялись устоявшиеся правовые подходы. Результатом технологического прогресса последних десятилетий стало появление технических средств, способных принимать самостоятельные решения, в том числе имеющие юридическое значение. Такая автономность технических средств обусловила возникновение ряда фундаментальных юридических проблем.

Авторами определены и исследованы наиболее существенные из них: делегирование системам ИИ возможности принятия решений; установление субъекта ответственности за вред, причиненный системами ИИ; прозрачность и подотчетность функционирования систем ИИ. На основе полученных результатов авторам удалось перейти к формулированию подходов к разрешению прикладных задач, что позволило разработать предложения по совершенствованию отечественной концепции нормативного правового регулирования применения систем ИИ.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16193 «Теоретические основы построения правовых моделей взаимодействия человека с киберфизическими, кибербиологическими и искусственными когнитивными системами».

УДК 004.8
ББК А66

Тюмень, 2022

Содержание:

<u>Введение</u>	5
<u>Глава 1. Искусственный интеллект: влияние на право, юридическая терминология, концепции правового регулирования</u>	7
<u>§1. Технологические революции и развитие общественных отношений: как внедрение искусственного интеллекта влияет на право</u>	7
<u>§2. Искусственный интеллект: поиск унифицированной терминологии в юридической науке и практике</u>	25
<u>§3. Концепции правового регулирования в сфере функционирования искусственного интеллекта</u>	47
<u>Глава 2. Фундаментальные проблемы и прикладные задачи правового регулирования в сфере функционирования искусственного интеллекта</u>	77
<u>§1. Искусственный интеллект и правосубъектность: целесообразность делегирования принятия решений</u>	77
<u>§2. Прозрачность и подотчетность функционирования искусственного интеллекта</u>	96
<u>§3. Причинение вреда искусственным интеллектом: поиск оптимального субъекта юридической ответственности</u>	122
<u>§4. Правовое регулирование в сфере функционирования искусственного интеллекта: рекомендации по разрешению прикладных задач</u>	134
<u>Заключение</u>	150

Введение

Настоящее время характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, видоизменяющих устоявшиеся общественные отношения. Реализация накопленного за последние десятилетия технологического потенциала становится причиной трансформации экономической, социальной, культурной и политической сфер жизни общества. Окончившаяся на рубеже тысячелетий т.н. «зима искусственного интеллекта» привела к экспоненциальному росту возможностей применения таких технологий в самых разных областях общественной жизни. В повседневность каждого из нас прочно вошла практика использования устройств и программного обеспечения, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта. Данные технологии буквально ежедневно помогают в удовлетворении нужд человека и общества различного характера: от поиска и отбора контента для личного потребления до обеспечения безопасности в публичных местах.

Современный уровень развития технологий позволяет говорить о существовании систем искусственного интеллекта, которые способны, как и их создатели, самообучаться и действовать автономно в определенном контексте. Широкое использование таких систем имеет неоспоримые преимущества, в частности, человек освобождается от необходимости выполнения рутинных задач и тем самым создаются благоприятные условия для его творческого развития. Вместе с тем преимуществам использования систем искусственного интеллекта корреспондируют определенные риски. Например, их неподконтрольное применение может приводить к нарушению неприкосновенности частной жизни, дискриминации при принятии такими системами решений, причинению вреда здоровью и имуществу человека, манипулированию поведением посредством использования рекомендательных алгоритмов.

Право, являясь основным регулятором общественных отношений, возникло и развивается исключительно в целях удовлетворения интересов человека, конкретная личность является его главной ценностью. Правовое регулирование общественных отношений в сфере искусственного интеллекта не должно стать преградой, чрезмерно ограничивающей человека от использования достижений технического прогресса. С одной стороны, следует создать благоприятные правовые условия для беспрепятственного функционирования систем искусственного интеллекта, а с другой – необходимо предусмотреть правовые гарантии обеспечения прав и законных интересов каждого человека. В связи с этим в настоящей работе рассматривается актуальный для юридической науки вопрос, который заключается в выявлении и разрешении ряда фундаментальных правовых проблем, вызванных применением систем искусственного интеллекта в общественном пространстве.

Глава 1. Искусственный интеллект: влияние на право, юридическая терминология, концепции правового регулирования

§1. Технологические революции и развитие общественных отношений: как внедрение искусственного интеллекта влияет на право

В научных исследованиях и литературе вопрос влияния технологического развития на эволюцию общества изучается длительное время, ему посвящено обширное количество трудов. Общепринятой в современной науке является позиция, которая заключается в том, что развитие общества не подчинено тотально какой-либо одной движущей силе, отвергаются технологический, экономический, политический и иные детерминизмы. Общество представляет собой сложную материю, на развитие которой в разной степени влияют многочисленные факторы. Сведение закономерностей его развития к влиянию какого-то отдельного фактора представляется ошибочным.

Вместе с тем игнорировать влияние технологического развития на возникновение и видоизменение общественных отношений также представляется нецелесообразным. Сейчас каждый человек становится свидетелем того, как в отдельных сферах общественной жизни будущее постепенно становится реальностью благодаря внедрению инноваций. Например, рост вычислительных мощностей, в том числе за счет квантовых вычислений, машинное обучение, интернет вещей, передовые материалы, аддитивное производство и многомерная печать, биотехнологии и нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность, блокчейн имеют широкий спектр применения и в обозримой перспективе могут стать причиной как возникновения новых общественных отношений, так и трансформации уже существующих.

Цифровая трансформация различных сфер жизни общества в

последнее десятилетие стала центром внимания общественности и государственных институтов. Человечество переживает период массового внедрения в практику накопленных знаний. В частности, Кай Фу Ли характеризует современность как «эпоху воплощений», которая предполагает создание конкретных продуктов на основе результатов исследований предыдущих десятилетий. В истории такие периоды принято называть технологическими (промышленными) революциями, в ходе которых в результате постепенного внедрения новых технических средств происходит трансформация сложившихся в обществе отношений.

Схожие последствия наблюдались и в ходе предыдущих трех технологических революций: внедрение новых технологий, прежде всего, влияло на изменение экономической и социальной структуры общества, что в итоге приводило к определенной трансформации права как основного регулятора общественных отношений. Поэтому для понимания того, как технологическое развитие влияет на право, необходимо прежде всего изучить особенности развития общественных отношений в условиях известных истории технологических революций.

Первая технологическая революция произошла на территории Англии в 1760 – 1830 годы. Объяснению данного феномена и выявлению ее причин посвящено значительное число работ. Такие достижения, как изобретение парового двигателя, хлопчатобумажной прядильной машины, а также начало производства железа с использованием каменноугольного кокса и развитие путей сообщения являлись технологической основой промышленной революции. Распространению и широкому применению данных изобретений именно в Англии способствовали высокая стоимость рабочей силы и дешевая энергия, что явилось большим стимулом для предпринимателей к поиску наиболее технологичных способов замены человеческого труда. В других европейских странах индустриализация также имела место, хотя проходила с отставанием и с оглядкой на опыт Англии.

Производство в доиндустриальное время было сосредоточено в небольших населенных пунктах, в рамках домохозяйств, члены которых были связаны, как правило, родственными отношениями. Жители данных населенных пунктов обеспечивали практически все свои потребности самостоятельно, дистанция между производителем и потребителем не выходила за рамки соответствующих поселений. Фабричное производство, отличительной особенностью которого являлась замена ручного труда на машинный, позволило выпускать продукцию в невиданных ранее количествах. Тогда как развитие путей сообщения способствовало распространению товаров на дальние расстояния. Это привело к усложнению общественных отношений, связанных с производством, распространением и потреблением экономических благ.

Привычные способы производства были видоизменены, владельцы крупных капиталов концентрировали в своих руках сотни станков, устанавливали их в изолированных помещениях, в которых организовывали рабочие места. В XVIII веке в Англии достаточно часто происходили беспорядки, связанные с борьбой против массового внедрения машин. Фабричная дисциплина, предполагающая работу строго по расписанию, была крайне непривычной для населения. Опять же, с учетом высокой стоимости рабочей силы, предприниматели шли на ухищрения, массово пользуясь трудом женщин и детей, поскольку работа на машинах не требовала физической силы и труд их стоил очень дешево. Они также не могли организованно противодействовать угнетению со стороны владельцев собственности. Рабочий день ограничивался только физическим истощением детей и мог длиться 14 – 16, а то и 18 часов. Надсмотрщики, жалованье которых складывалось в зависимости от наработки мастерской, не позволяли замедлять работу ни на минуту. Помимо этого на производстве происходило большое количество несчастных случаев, были распространены заразные болезни из-за антисанитарии в фабричных помещениях.

Развитие фабричного производства также привело к урбанизации сельского населения. Доля городского населения в Англии в 1500 году составляла 7 %, а к 1800 году эта цифра достигла уже 29 %, показав самую большую динамику среди европейских стран. Массовое скопление людей в промышленных центрах привело к серьезным проблемам в жилищной сфере. Люди проживали в непригодных для этого маленьких помещениях. Одновременно с этим начинается зарождение рабочего класса, происходит сегментация общества на работодателей и работников. Возник естественный конфликт интересов: работодатели стремились производить как можно большее количество продукции с максимально низкими издержками, работники – получить высокую заработную плату, повысить качество условий труда.

Существуют различные подходы к пониманию того, каким образом развитие рассматриваемых технологий повлияло на уровень жизни населения. Например, в работе Дж. Мокира утверждается, что рост уровня жизни до 1850 года был достаточно низким и улучшение условий жизни рабочего класса происходило медленно и с запозданием. Напротив, согласно позиции Г. Хоука, уровень потребления постоянно рос и повышались средние доходы населения. Результаты исследования Р.М. Хартвелла, которые весьма убедительны, свидетельствуют о повышении среднего дохода на душу населения, падении цен, увеличении потребления. Таким образом, реальные доходы большинства рабочих в период 1800 – 1850 годы росли. Несмотря на сказанное, важное значение имеет то, что повышение уровня жизни широких слоев населения было совершенно непропорциональным общим экономическим успехам, связанным с технологической трансформацией. Основными выгодополучателями технологической революции стали лица, уже обладающие капиталом.

В рассматриваемый период времени в Англии и в европейских странах господствовал принцип невмешательства (*laissez-faire*), в

соответствии с которым отвергалось всякое вмешательство со стороны государства в естественно складывающиеся экономические отношения. Такой подход предполагал отсутствие существенных правовых ограничений в сфере хозяйственной деятельности, и тем самым являлся наиболее благоприятным для извлечения максимальных экономических выгод от применения новых технологий.

К примеру, вплоть до конца XVIII века в Англии действовал закон «Об оседлости» (The Act of Settlement 1662), который давал право властям высылать всякое лицо, находящееся в чужом приходе (община, административная единица), чтобы оно не легло бременем на соответствующий приход. Такое ограничение свободы передвижения рабочей силы в условиях расцвета экономических отношений и фабричного производства не было на пользу ни самим рабочим, ни тем более владельцам собственности. Рабочий не мог отправиться на тот рынок, на котором мог продавать свой труд наиболее выгодным образом, а промышленник развивал свое предприятие вопреки данному закону, нарушая его и используя труд приезжих. В силу возникновения массового запроса со стороны работодателей и работников данный закон был отменен более поздним актом (The Poor Removal Act 1795).

Наемные работники, вследствие большого количества разногласий с работодателями, в конце XVIII века часто прибегали к вступлению в рабочие союзы, проведению публичных мероприятий с целью защиты своих прав социального характера. Однако государство не пыталось урегулировать адекватными правовыми инструментами потенциально конфликтные общественные отношения. Вместо этого, действуя в логике принципа невмешательства в экономические отношения, был принят закон (The Combination Act 1799), запрещающий организацию трудовых союзов и еще сильнее ухудшающий бесправное положение рабочих.

Представляется, что большинство отрицательных социальных последствий внедрения современных технологий можно было бы смягчить

законодательными методами. Как было подчеркнуто выше, в первое время политическая власть была на стороне предпринимателей, которые были вправе организовывать работу на своих предприятиях по своему усмотрению. Вместе с тем государство постепенно начало понимать неизбежность принятия мер, направленных на смягчение социальной напряженности между различными слоями общества. Данное обстоятельство привело к зарождению социального законодательства, которое в дальнейшем служило для многих европейских стран примером.

В частности, в первой половине XIX века начинают приниматься нормативные правовые акты, предоставляющие рабочим ряд социальных прав. В 1802 году был принят важнейший закон «О здоровье и нравственности» (The Health and Morals of Apprentices Act 1802), устанавливающий требования к работодателям: повысить качество условий труда, предоставлять одежду для малолетних, проводить инструкции по технике безопасности для малолетних, ограничить время работы малолетних, проводить медицинский осмотр рабочих и не допускать распространения инфекций на производстве. Также были приняты законы «О хлопкопрядильных фабриках» (The Cotton Mills and Factories Act 1819), «О фабриках» (The Factories Act 1833), «О фабриках» (The Factories Act 1844), «О сокращении рабочего дня для женщин и подростков» (The Ten Hours Act 1847), «О фабриках» (The Factories Act 1850). Новая модель правового регулирования, возникновение которой началось с защиты работников текстильной промышленности, распространилась на все отрасли обрабатывающей промышленности, в которых был задействован ручной труд.

Вторая технологическая революция представляет собой естественное продолжение первой, поскольку основой всех технологических достижений являлись предыдущие изобретения, которая происходила в период с 1870 по 1930 годы. В отличие от первой промышленной революции, технологии второй возникли

преимущественно в результате проведения научно-исследовательских работ. В это время наиболее важное влияние на развитие экономических и иных отношений в передовых странах произвели инновации, на основе которых стало возможно массовое производство и использование двигателей внутреннего сгорания, автомобилей, железнодорожного транспорта, телеграфа и радио.

Известный историк экономики Д. Лэндис отмечает, что предпосылками всех существенных изменений в производстве, присущих тому времени, был ряд технологических новшеств. Во-первых, разработка современных материалов и новых способов изготовления уже известного сырья. Прежде всего изобретение недорогого способа производства высококачественной стали, а также многочисленные инновации в химической промышленности. Во-вторых, новые источники энергии, в частности, двигатели внутреннего сгорания, топливо и электричество. В-третьих, механизация и разделение труда. Рост крупных промышленных предприятий стимулировал проведение научных исследований в целях поиска наиболее оптимальной организации труда. В результате этого возникла известная система, получившая название «тейлоризм», которая внесла огромный вклад в повышение эффективности производства товаров широкого потребления. Также важным новшеством стало использование конвейерного производства, что привело к беспрецедентному развитию машиностроения. Вышеописанные технологии изначально применялись в отдельно взятых отраслях, но впоследствии широко распространились по всем секторам экономики.

Вместе с тем произошедшие изменения в технологиях производства повлекли не революционные, а эволюционные изменения социальной структуры. Они привели к стремительному развитию тенденций, начавшихся в период первой промышленной революции. К концу XIX века индустриализация активно шла в Великобритании, Германии, Франции и Бельгии, а также в некоторых других странах. Динамично

увеличивалась доля занятых в промышленном секторе, население массово мигрировало в города, росло количество крупных фабрик и повышалась производительность труда.

Рассмотренные процессы привели к увеличению класса наемных рабочих, занятых на промышленных предприятиях. Сдерживать недовольство наемных рабочих, требующих улучшения своих условий труда и повышения заработной платы, становилось все сложнее. Социальная напряженность вела к постоянному столкновению рабочих с владельцами собственности и представителями власти.

В качестве примера того, каким образом государство реагировало на изменения общественных отношений, целесообразно привести опыт Германии. Одна из причин такого выбора заключается в том, что именно Германия считается страной, наиболее успешно с точки зрения экономического роста применившей технологии второй промышленной революции. Несмотря на это заработная плата рабочих оставалась катастрофически низкой, средств едва хватало на удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Уровень социального неравенства в Германии хорошо иллюстрируется разницей заработной платы представителей различных слоев общества. Так, в 1876 году машинист, живущий в Мюнхене, получал около 270 марок в год, типичный учитель начальной школы порядка 1,6 тысяч марок, а юрист, занимающийся частной практикой, имел около 34 тысяч марок в год. По указанным причинам в то время были крайне популярны идеи левого толка, «дух» революции бродил по всей Европе.

Если в 1875 году в Германии рабочих, организованных в трудовые союзы, насчитывалось около 25 тысяч, то к 1877 – 1878 годам эта цифра достигла 47 тысяч. Опасаясь революционно настроенных трудовых организаций, в объединенной Германской империи по инициативе канцлера О.Ф. Бисмарка началось осуществление социальных реформ. В рамках ее реализации была создана система социального страхования,

основанная на ряде законов. В частности, Рейхстаг издал три первых закона: о страховании по болезни (1883 г.); о страховании от несчастных случаев (1884 г.); о страховании по инвалидности и по старости (1889 г.). Изложенные практические меры были основаны на понимании того, что в целях адекватной реакции на стремительно меняющиеся общественные отношения, необходимо видоизменить подход к распределению национального богатства. Теоретическим фундаментом этих реформ послужила теория социального государства, основоположником которой является общественный деятель Л.Ф. Штейн. Данная теория сложилась под влиянием философии Г. Гегеля, французских социалистических доктрин, английской экономической теории. Именно Л.Ф. Штейн ввел в научный оборот понятие «социальное государство». Анализируя политические требования, выдвигаемые рабочим классом во Франции, а также опираясь на положения Декларации прав человека и гражданина 1789 года, на принципы и нормы, закрепленные в Конституции Франции, принятой 3 сентября 1791 года, Л.Ф. Штейн приходит к выводу, что сосуществование различных классов общества должно основываться на принципе социальной солидарности.

Третья технологическая революция началась во второй половине XX века и была связана с переходом от механических и аналоговых электронных устройств к цифровым. Инновации произошли в трех главных технологических областях: микроэлектронике, компьютерной технике и телекоммуникациях. Распространение изобретений предыдущих промышленных революций было крайне ограничено географическими факторами и требовало длительного времени, чтобы охватить существенную часть мира. Благодаря возникновению информационно-коммуникационной сети, позволяющей мгновенно обрабатывать и передавать информацию, в течение двух десятилетий передовые технологии стали использоваться во многих странах. Созданные технологии сами по себе стали платформой для

распространения знаний по всему миру, информация начала восприниматься как значимый экономический ресурс. Особенностью данной революции также является то, что эти технологии нашли глубокое и широкое применение в экономических, политических, социальных и культурных отношениях.

Стремительному внедрению в общественную практику передовых технологий способствовала беспрецедентная скорость удешевления и упрощения производства электронно-вычислительных машин и их комплектующих. В частности, изготовление микросхем при использовании планарного процесса привело к технологическому прорыву. Всего за три года цены на полупроводники упали на 85 %, а в следующие десять лет производство выросло в 20 раз. К примеру, в Англии в период индустриальной революции потребовалось семьдесят лет (1780 – 1850), чтобы цены на хлопчатобумажные ткани упали на 85 %.

В новой экономической парадигме важнейшим фактором повышения производительности труда и конкурентоспособности субъектов хозяйственных отношений является их способность создавать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, в том числе при помощи автоматизированных систем. Кроме того, экономика начинает приобретать глобальный характер, поскольку основные виды хозяйственной деятельности, такие как производство, потребление и движение товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в общемировом масштабе.

Ведущие ученые согласны в том, что в это время наблюдается революционное изменение всей общественной жизни. Так, Д. Белл говорит о становлении постиндустриального общества, отличительными особенностями которого являются переход от экономики производства к экономике услуг, доминирование профессионального и технического класса, центральную роль теоретических знаний, планирование

технологии, создание «интеллектуальной технологии». Согласно известной концепции «трех волн» Э. Тоффлера этот период считается третьей волной, которая несет с собой присущий ей новый строй жизни, основанный на разнообразных возобновляемых источниках энергии; на методах производства, делающих ненужными большинство фабричных сборочных конвейеров; на новых ненуклеарных семьях; на новой структуре, которую можно назвать «электронным коттеджем»; на радикально измененных школах и объединениях будущего. Если Вторая волна породила массовое общество, Третья волна демассифицирует его, сдвигая всю социальную систему на более высокий уровень разнообразия и сложности.

Конец XX – начала XXI века ознаменует формирование отрасли информационного законодательства. Фундаментальным источником всех прав, возникших в информационную эпоху, является право на информацию, закрепленное статьей 19 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Важным международным актом в данной области является принятая в 1981 году Советом Европы «Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера», целью которой является обеспечение для каждого физического лица, независимо от его гражданства или места жительства, уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных.

В 2000 г. странами-участницами G8 была принята Окинавская хартии глобального информационного общества 2000 г., являющаяся

ответом на вызовы 21 века и развивающихся информационных технологий. Также в 2001 году была заключена Европейская Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации.

Параллельно с этим принимались национальные акты, которые заложили основу правового регулирования общественных отношений, связанных с информацией. Так, в США были приняты Закон «Об административной процедуре» 1946 г., Закон «О свободе информации» 1966 г. (действует в редакции Закона о свободе электронной информации 1996 г.), Закон «О неприкосновенности частной жизни» 1974 г., Закон «Об открытости правительства» 1976 г. Подобные законы были приняты и в других странах, например, Закон Норвегии «О свободе информации» 1970 г., Закон Франции «О доступе к административным документам» 1978 г., Закон Дании «О доступе к административным документам» 1985 г., Закон Нидерландов «О правительственной информации» 1978 г., Закон Новой Зеландии «Об официальной информации» 1982 г., Закон Франции «Об информатике, картотеках и свободах» 1978 г., Закон Люксембурга «Об использовании номинативных данных в компьютерной обработке» 1979 г. и др. Именно эти документы заложили основы современного подхода к регулированию информационных отношений, прежде всего в части информационных прав и свобод личности.

Третья технологическая революция привела к становлению информационного общества. Цифровые технологии позволили мгновенно производить, обрабатывать и передавать информацию. Использование таких технических средств, как цифровые устройства, программное обеспечение и коммуникационные сети (например, Интернет) позволило частично автоматизировать отдельные процессы. Однако корректное функционирование технических средств все еще требовало активного участия человека.

В настоящее время человечество переживает **четвертую технологическую революцию**, основу которой, как полагает К. Шваб,

составляют новые вычислительные технологии, блокчейн, интернет вещей, искусственный интеллект и роботы, передовые материалы, аддитивное производство и многомерная печать, биотехнологии, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность. По мнению Э. Макафи и Э. Бриньолфсона, движущими силами современной четвертой технологической революции являются пять факторов: данные, алгоритмы, сети, облачные технологии и экспоненциальное улучшение аппаратного обеспечения. Различные комбинации указанных факторов обусловили возникновение и массовое внедрение технологий искусственного интеллекта.

Данные технологии интенсивно проникают во все сферы человеческой жизнедеятельности и тем самым видоизменяют общественные отношения. Скорость их стремительного внедрения также обусловлена законом Мура, согласно которому вычислительная мощность компьютерных систем удваивается приблизительно каждые 18 – 24 месяца, т.е. происходит не линейный, а экспоненциальный рост технологий. Следует ожидать, что такие технические средства, как роботы, дроны, беспилотные автомобили и прочие, будут становиться дешевле, доступнее, функциональнее и разнообразнее.

Огромное влияние на ускоренную автоматизацию процессов также оказала пандемия Covid-19. Государства и бизнес, с одной стороны, стали заинтересованы в создании рабочего пространства, менее зависимо от конкретных работников, а с другой – за счет перехода части рабочих процессов в виртуальную среду начали развиваться новые способы человеко-машинной кооперации. Особенностью современного технологического развития также является и то, что технические средства не только окружают человека в цифровом и физическом мире, но и становятся его частью, например, набирают популярность операции по внедрению в человеческий организм разнообразных устройств, широкое распространение получают современные протезы и импланты.

В юриспруденции технические средства традиционно рассматриваются как предметы материального (недвижимые и движимые вещи) и нематериального (результаты интеллектуальной деятельности) мира и имеют статус объектов права. Что касается искусственного интеллекта, то он обладает способностью совершать независимые от человека действия, однако степень его автономности может существенно различаться. Правовая природа технического средства не меняется, если последнее решение принимает сам человек, даже при наличии у такого объекта некоторой степени автономности. Следует сказать, что с юридической точки зрения возникновение автономности у объектов права само по себе революционного значения не имеет, например, действия индустриального робота, выполняющего рутинные задачи, не влияют на общественные отношения и не влекут каких-либо правовых последствий.

Тем не менее технические средства потенциально могут обладать не только автономностью, но и одновременно являться участниками общественных отношений. Например, в отдельных странах беспилотные транспортные средства уже сейчас становятся участниками дорожного движения и самостоятельно осуществляют важные для человеческой жизни действия несмотря на то, что они, по своей сути, являются лишь сложными техническими средствами, управляемыми искусственным интеллектом, способным в незнакомых условиях самостоятельно выбирать одно из нескольких альтернативных решений. Делегирование все большего числа задач подобным техническим средствам, а также расширение границ дискреции, со временем может создать в общественном сознании новый способ взаимодействия человека с такими техническими средствами, основанный на некоторой независимости последних.

Таким образом, технологическое развитие ставит перед юридической наукой ряд новых вызовов: 1) появляются автономные технические средства; 2) данные технические средства приобретают

потенциальную способность участвовать в отдельных общественных отношениях; 3) возникают новые способы взаимодействия человека с предметами материального и нематериального мира. Очевидно, возникает потребность в создании новых подходов к регулированию общественных отношений, в которых задействованы такие объекты.

Эффективное использование цифровых технологий будет способствовать экономическому и политическому развитию, что может привести к существенному повышению уровня жизни. Успешное сквозное внедрение технологий в указанных сферах деятельности позволит извлечь из этого беспрецедентные выгоды для повышения уровня жизни граждан. В то же время их широкое использование содержит огромное количество потенциальных рисков, способных привести к отрицательным последствиям. К примеру, темой острых дискуссий последних лет являются пределы использования роботов в медицинских целях, допуск беспилотных транспортных средств к дорогам общего пользования, массовая замена труда человека автоматизированными системами. Интеграция цифровых и механических элементов с биологическими организмами в среднесрочной перспективе может привести не только к значительному продлению жизни человека, но и улучшить его физиологические возможности, когнитивные способности, значительно увеличить скорость поиска и анализа информации, изменить работу памяти. Очевидно, что наиболее передовые технологии будут иметь высокую стоимость и станут доступны лишь на уровне государств, корпораций, а также отдельных слоев населения. Таким образом, уже за несколько десятилетий может возникнуть непреодолимая дифференциация в способностях, продолжительности и качестве жизни между отдельными индивидуумами. В свою очередь, большинство современных государств, которые проводят политику, направленную на обеспечение равных условий для граждан, будут вынуждены существенно корректировать законодательство, чтобы не допустить чрезмерного

социального неравенства.

Краткие выводы:

1. 1. В результате первой технологической революции механические машины заняли важное место в производственном процессе. Использование человеком технических средств позволило извлекать из этого наибольшие экономические выгоды. Общее повышение уровня жизни населения из-за внедрения технологий происходило не благодаря целенаправленной государственной и правовой политике, а вопреки ей. Публичная власть, на примере Англии, первоначально избрала тактику невмешательства в возникающие общественные отношения.

2. 2. Изобретения следующей технологической революции обострили социальные последствия (и положительные и отрицательные), связанные с технологиями первой. Усложнение экономических отношений привело к увеличению численности рабочего класса и сопутствующих социальных проблем. Одновременно сохранялась тенденция повышения уровня жизни населения. Европейские страны, в частности Германия, вынужденно взяли курс на социализацию политики и законодательства.

3. 3. Технологии второй половины XX века обусловили становление информационного общества. Цифровые технологии позволили мгновенно производить, обрабатывать и передавать информацию. Коммуникация между людьми была перенесена на цифровую платформу, между ними возник новый посредник виде программного обеспечения, что позволило частично автоматизировать отдельные процессы.

4. 4. Все созданные в результате трех технологических революций изобретения использовались человеком в одностороннем порядке как инструменты повышения производительности труда человека, преобразования природы согласно нуждам общества, для взаимодействия людей друг с другом.

5. 5. Достижения современной технологической революции ставят перед юридической наукой ряд новых вызовов: 1) появляются автономные технические средства; 2) данные технические средства приобретают потенциальную способность участвовать в отдельных общественных отношениях; 3) возникают новые способы взаимодействия человека с предметами материального и нематериального мира.

§2. Искусственный интеллект: поиск унифицированной терминологии в юридической науке и практике

Формирование сбалансированного подхода к правовому регулированию применения рассмотренных автономных объектов материального мира невозможно без выработки адекватной юридической терминологии. В научной и иной литературе часто встречается ряд схожих терминов, которыми описываются данные объекты: искусственный интеллект, нейронные сети, киберфизические системы, роботы, дроны, беспилотники и т.п. Данные термины в достаточной степени исследованы со стороны технических наук, имеются или находятся на стадии принятия и обсуждения различные технические стандарты в данной сфере. Тем не менее, нормативные правовые акты разных государств и регионов подходят к формированию юридической терминологии в целом схожими, но несколько разными путями. Наиболее широким термином, которым обозначаются большинство таких автономных объектов, стал научно-популярный термин «искусственный интеллект». Именно данный термин несмотря на свою неоднозначность нашел наиболее широкое применение в законодательстве и научной литературе.

Исследования в области создания «умных машин» имеют долгую историю развития, с тех пор как соответствующие предположения были выдвинуты А. Тьюрингом в 1947 году. Термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот Д. Маккарти в 1955 году, который определил его как «науку и технологию создания

интеллектуальных машин».

В современности под термином «искусственный интеллект» понимаются: во-первых, отрасль науки; во-вторых, совокупность научных методов; в-третьих, программное обеспечение, основанное на технологиях машинного обучения, машинного зрения и обработки естественного языка. В юридической литературе и нормативных правовых актах, когда речь идет об искусственном интеллекте, как правило, имеется в виду именно программное обеспечение, так как правовое регулирование предполагает регламентацию общественных отношений в сфере взаимодействия людей с конкретными техническими средствами.

Также такое программное обеспечение часто описывается близкими терминами «системы искусственного интеллекта», «алгоритмы», «системы машинного обучения» и т.п. Далее мы рассмотрим особенности используемой в законодательстве терминологии, в целях упрощения подачи материала, в данном параграфе будет использован родовый термин «искусственный интеллект» (далее – ИИ), а в выводах по данному параграфу мы сформулируем финальный терминологический аппарат исследования. Иногда также будет использоваться термин «системы ИИ» в целях более точной передачи содержания нормативного материала.

В науке, отдельных нормативных правовых актах и технических стандартах также предлагается использовать термины «общий (сильный) ИИ» и «прикладной (слабый) ИИ». С термином общий ИИ связана потенциальная возможность возникновения в будущем технических средств, которые по своим когнитивным способностям будут, как минимум, соответствовать человеческому интеллекту. Возникновение таких технических средств рассматривается в большей степени в футурологии, однако инструментарий их создания находится за гранью современного уровня развития науки. Прикладной ИИ связан с существующими техническими средствами, которые на основе алгоритмов и данных способны самообучаться и действовать автономно в

определенных ситуациях. Важно отметить, что автономность, а также возможность самообучения не следует рассматривать с биологической точки зрения. Автономность позволяет таким техническим средствам решать конкретные задачи (например, управлять автомобилем, генерировать изображение или музыку, принимать решения на основе загруженных данных), однако речи об их автономии воли, которая присуща живым существам, не ведется. Таким образом, в настоящем исследовании мы будем исходить из рассмотрения правового регулирования применения прикладного ИИ, так как именно данный комплекс технологических решений массово используется в общественном пространстве.

Ведущие ученые в области ИИ С. Рассел и П. Норвиг констатируют существование четырех подходов к определению искусственного интеллекта. К первым двум относятся определения, которые описывают искусственный интеллект в виде системы, а) думающей как человек или б) действующей как человек, т.е. используется критерий сходства с человеком. В рамках такого подхода искусственный интеллект определяется как «аппаратный и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов мышления человека и неотлично от решений, которые принимались бы человеком-экспертом, т.е. профессионалом в данной предметной области». Как следствие, задача искусственного интеллекта видится в воспроизведении человеческих способностей. Представляется, что на данном этапе развития технологий рано говорить об искусственном интеллекте как о сущности, способной думать или действовать как человек. Человеческий разум до сих пор остается «вещью в себе» и вряд ли в ближайшее время мы сможем воссоздать искусственный разум. Полагаем, что сходство искусственного интеллекта с человеком является не самым лучшим критерием для определения его понятия.

От вышеназванных подходов кардинально отличаются третий и

четвертый, поскольку искусственный интеллект понимается как система, в) рационально думающая или г) рационально действующая. При этом система считается рациональной, если думает либо действует «правильно», при условии, что она обладает знаниями о том, что является правильным. Искусственный интеллект – это рационально действующая система, ее цель – достичь наилучшего результата или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата.

Следует отметить, что большинство имеющихся актуальных определений искусственного интеллекта, сформулированные представителями как технических, так и гуманитарных наук, содержат критерий рациональности. В частности, в докладе Объединенного исследовательского центра Европейской комиссии искусственный интеллект определяется как общее понятие, к которому относится любая машина или алгоритм, способные воспринимать и изучать окружающую среду, а также на основе знаний, полученных из опыта, действовать рационально или предлагать соответствующие решения. Исследователи из Стэнфордского университета, изучающие влияние искусственного интеллекта на различные сферы жизнедеятельности человека в долгосрочной перспективе, понимают под искусственным интеллектом деятельность, направленную на создание разумных машин, при этом интеллект рассматривается как качество, позволяющее объекту материального мира (вещи) функционировать в окружающей его обстановке адекватно и предусмотрительно.

Термин искусственный интеллект нашел свое отражение и в отечественной юридической науке. Так, П.М. Морхат пишет, что «искусственный интеллект это полностью или частично автономная самоорганизующаяся (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic) система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим

математическим обеспечением, наделенная/обладающая рядом программно-синтезированных способностей и возможностей». По мнению В.Б. Наумова и А.В. Незнамова искусственный интеллект обладает следующими ключевыми характеристиками: аппаратное воплощение не является главным (его может не быть); технология ИИ прежде всего описывает программу/алгоритм; предполагает способность анализировать окружающую среду; обладает некоторой степенью автономности в реализации алгоритма; технология ИИ, как правило, предполагает способность к самообучению; наличие «интеллектуальности», которая иногда описывается через категории «разумности», «рациональности» или просто через способность «мыслить как человек» или «действовать как человек» во всех или в узко определенных обстоятельствах.

На наш взгляд, рассмотрение искусственного интеллекта как рационально думающей или действующей системы является более предпочтительным. Преимущество такого подхода в том, что рациональность системы поддается измерению посредством оценки того, насколько эффективно она решает поставленную перед ней конкретную задачу. К примеру, система искусственного интеллекта может быть признана рациональной, если управляемый ей автомобиль доставляет пассажира из точки А в точку Б с приемлемыми для него и других участников дорожного движения условиями.

Еще один важный момент видится в том, что искусственный интеллект с точки зрения права следует изучать не как думающую рационально систему, а как систему действующую, самостоятельно принимающую определенные решения. Для целей правового регулирования значение имеют совершенные действия, которые являются результатом принятых такой рациональной системой решений. Кроме того, ее неотъемлемой характеристикой является способность автономно (самостоятельно) выбирать из определенного количества альтернативных решений одно конкретное.

Схожие с доктринальными подходы к формулированию терминологии положены и в основу законодательного регулирования в отдельных странах и регионах. Далее мы прибегнем к практически дословному цитированию отдельных положений нормативных правовых актов, чтобы читатель мог самостоятельно оценить разницу в используемой терминологии. Вместе с тем авторами намеренно игнорируется детальное описание технических терминов в целях сосредоточения именно на нормативном материале.

В США на федеральном уровне отсутствует какой-либо комплексный акт, определяющий терминологию в сфере ИИ, однако данные определения содержатся в отраслевых нормативных правовых актах и в актах органов исполнительной власти, регламентирующих отдельные сферы общественной жизни. Законодательство в сфере обороны и национальной безопасности США устанавливает одновременно несколько подходов к определению ИИ, которые легли в основу понимания данных систем в иных нормативных правовых актах:

1. 1. «Любая искусственная система, которая выполняет задачи в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без значительного контроля со стороны человека, или которая может учиться на опыте и улучшать производительность, при взаимодействии с наборами данных.

2. 2. Искусственная система, разработанная на основе программного обеспечения или физического оборудования или применяющаяся иным образом, которая решает задачи, требующие подобных человеческому восприятию, познания, планирования, обучения, коммуникации или физических действий.

3. 3. Искусственная система, разработанная для того, чтобы думать или действовать как человек, включая когнитивные структуры и нейронные сети.

4. 4. Набор методов, включая машинное обучение, который

предназначен для имитации когнитивной задачи.

5. 5. Искусственная система, предназначенная для осуществления рациональных действий, включая интеллектуального программного агента или робота, который достигает целей с помощью восприятия, планирования, рассуждений, обучения, общения, принятия решений и совершения действий».

На уровне ЕС в 2022 году предполагается принять опубликованный в апреле 2021 года проект Регламента «О принятии унифицированных правил в сфере искусственного интеллекта (закон об искусственном интеллекте) и внесении изменений в некоторые законодательные акты союза» (Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts) (далее – проект Регламента AIA), в рамках которого предлагается разрешить ряд актуальных регуляторных проблем применения ИИ в общественном пространстве. Проект данного нормативного правового акта окажет большое влияние на технологическое развитие во всем мире, так как вероятно станет по аналогии с «Общим регламентом по защите данных» (General Data Protection Regulation (GDPR)) (далее – GDPR), фактически, отраслевым стандартом. Данный документ неоднократно будет анализироваться в настоящем исследовании применительно к отдельным аспектам и подходам правового регулирования применения ИИ.

Тем не менее в данном проекте регламента предусмотрен достаточно широкий взгляд на то, какие технологические продукты следует считать ИИ. В тексте акта данные системы определяются как «программное обеспечение, которое разработано с использованием одного или нескольких методов и подходов (данные подходы перечисляются отдельно в приложении к документу), и может для заданного набора определенных человеком целей генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, с

которой они взаимодействуют».

В приложении к документу определены три группы методов и подходов к созданию систем ИИ:

- – «подходы машинного обучения, включая обучение с учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением, с использованием широкого спектра методов, включая глубокое обучение;
- – подходы, основанные на логике и знаниях, включая представление знаний, индуктивное (логическое) программирование, базы знаний, механизмы вывода и дедукции, (символьные) рассуждения и экспертные системы;
- – статистические подходы, байесовская оценка решения, методы поиска и оптимизации».

Также законопроектом предусматривается, что понятие ИИ должно быть определено в целях обеспечения правовой определенности, а его формулировка должна быть достаточно гибкой, чтобы была возможность учесть дальнейшее технологическое развитие. Данное понятие должно быть основано на ключевых функциональных характеристиках программного обеспечения, в частности, на способности при заданном наборе определенных человеком целей генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, способные влиять на среду, с которой взаимодействует система в физическом или цифровом пространстве. Отмечается также, что системы ИИ могут быть разработаны с различным уровнем автономности или использоваться автономно как компонент продукта, независимо от того, интегрирована ли система физически в объект или обслуживает его функциональность, не будучи интегрированной в него.

Также законопроектом определяется, что понятие ИИ должно постоянно дополняться списком конкретных методов и подходов, используемых для разработки программного обеспечения, который должен обновляться Европейской комиссией в соответствии с вызовами

технологического развития. Таким образом, предполагается установить достаточно гибкие рамки к пониманию того, какие именно программные продукты следует относить к системам ИИ, что позволит оперативно реагировать на рыночные условия без длительных законодательных процедур.

Рекомендации к определению того, какие программные продукты следует относить к ИИ имеются в документах, принятых иными международными объединениями. В ноябре 2021 года на 41-ой сессии ЮНЕСКО была принята «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» (Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence), в которой содержится развернутое определение ИИ: «Системы на основе ИИ представляют собой технологии обработки информации, которые включают модели и алгоритмы, обеспечивающие способность обучения и выполнения когнитивных задач, с получением результатов в виде прогнозной оценки и принятия решения в материальной и виртуальной среде. ИИ-системы предназначены для работы с той или иной долей автономности посредством моделирования и представления знаний, а также использования данных и расчета корреляционных зависимостей. В системах на основе ИИ могут использоваться различные методологии, в частности:

1. 1. самообучение машины, в том числе глубокое обучение и обучение с подкреплением;
2. 2. автоматизированное рассуждение, в том числе планирование, диспетчеризация, представление знаний и формирование рассуждений, поиск и оптимизация;
3. 3. системы на основе ИИ могут использоваться в кибер-физических системах, включая системы контроля оборудования через интернет, робототехническое оборудование, социальную робототехнику и системы человеко-машинного интерфейса, объединяющие в себе функции контроля, распознавания, обработки данных,

собранных датчиками, а также работу исполнительных элементов в среде функционирования ИИ-систем».

В Рекомендациях Совета по искусственному интеллекту (Recommendation of the Council on Artificial Intelligence) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Organization for Economic Co-operation and Development (OECD)) система искусственного ИИ определяется как машинная система, которая может для заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или принимать решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Системы ИИ могут функционировать с различным уровнем автономности.

Специальным комитетом Совета Европы по искусственному интеллекту (Ad hoc committee on artificial intelligence (CAHAI)) в 2020 году было подготовлено Исследование по вопросу о целесообразности (Feasibility Study), в котором делается вывод о том, что термин «искусственный интеллект» используется как «общий термин» для различного программного обеспечения, основанного на различных методах, которые демонстрируют возможности, обычно в настоящее время ассоциируемые с человеческим интеллектом. Эти методы могут состоять из формальных моделей (или символьных систем), а также моделей, использующие данные (систем, основанных на обучении), обычно опирающихся на статистические подходы, включая, например, обучение с учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением. Системы ИИ действуют в физическом или цифровом мире, фиксирующие окружающую среду путем сбора данных, анализируя определенные структурированные или неструктурированные данные, а также основываясь на знаниях или обработке информации, полученной из данных, принимают решения о наиболее подходящем порядке действий для достижения определенной цели. Они могут быть разработаны таким образом, чтобы адаптировать свое поведение с течением времени на основе новых данных и повышать эффективность своей работы для

достижения определенной цели».

В документе указано на существующее многообразие подходов к определению ИИ, вызванное особенностями правовых укладов в разных странах, а также на необходимость разработки «технологически нейтрального» определения, что позволит найти баланс между точным отражением технологическими терминами, которые имеют свойства быстро устаревать, и излишне широким подходом к терминологии.

Также данный документ отсылает на понятие «алгоритмические системы», которые определяются в приложении к Рекомендации CM/Rec(2020)1 Комитета министров для государств-членов о воздействии алгоритмических систем на права человека (Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems), «как приложения, которые, зачастую с помощью математических методов оптимизации, выполняют одну или несколько задач, таких как сбор, группировка, очистка, сортировка, классификация и получение данных, а также выбор, расстановка приоритетов, выработка рекомендаций и принятие решений. Полагаясь на один или несколько алгоритмов для выполнения своих задач в средах, в которых они реализованы, алгоритмические системы автоматизируют деятельность, позволяя создавать масштабируемые услуги в режиме реального времени».

В докладе «Искусственный интеллект, права человека, демократия и верховенство закона» (Artificial intelligence, human rights, democracy, and the rule of law), подготовленном институтом Алана Тьюринга, отмечается, что за последние несколько десятилетий выработано множество подходов к определению ИИ, однако для целей рассматриваемого документа предполагается придерживаться определения, которое позволит описать роль ИИ в мире людей: «системы ИИ – это алгоритмические модели, выполняющие функции мышления и восприятия в мире, которые ранее были характерны только для думающих, оценивающих и рассуждающих

человеческих существ».

Нормативные правовые акты, содержащие подходы к терминологии в сфере ИИ приняты и в России. Отправным документом, ко многим определившим содержание отечественной концепции формирования правового регулирования применения систем ИИ стал Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490, которым была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее –Национальная стратегия развития ИИ), в котором нашли следующие подходы к определению ИИ:

«а) искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений;

б) технологии искусственного интеллекта - технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта». Отраженные в Указе понятия также обрели законодательное регулирование в связи с принятием Федерального закона № 123-ФЗ.

Схожее с указанным в Национальной стратегии развития ИИ определение было закреплено в «Национальном стандарте Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта». Стандарт понимает под искусственным интеллектом «Комплекс технологических решений, позволяющий

имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. В нем также содержится примечание, в соответствии с которым «комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений». В стандарте также определяется термин «система искусственного интеллекта», под которой понимается техническая система, в которой используются технологии искусственного интеллекта.

Таким образом, исходя из исследования подходов к формулированию терминологии в сфере искусственного интеллекта можно сделать следующие выводы:

а. 1) для целей юридической науки рационально использовать термин «системы ИИ», так как именно он позволяет наиболее корректно определять конкретные программные продукты в контексте их связи с человеком в рамках общественных отношений. Именно данный термин нашел свое отражение в большинстве нормативных правовых актов;

б. 2) системы ИИ основываются на алгоритмах и данных, однако сам по себе термин «алгоритм» является более широким, далеко не все алгоритмы являются системами ИИ. Также неудачными терминами будут робот, беспилотник, дрон, и т.п., так как система ИИ не обязательно должна быть интегрирована в физические объекты;

с. 3) для формирования правового регулирования применения систем ИИ необходимо основываться на их ключевых характеристиках, таких как возможность самообучения и автономность

систем ИИ;

d. 4) не следует законодательно определять исчерпывающий перечень подходов и методов создания систем ИИ в рамках одного термина, так как при создании систем ИИ используется ряд подходов и методик, которые находятся в постоянном развитии в ходе технологического прогресса. Наиболее рациональным решением является ведение соответствующего реестра подходов и методик создания ИИ органами исполнительной власти, иными компетентными органами и организациями.

Близкими к системам ИИ являются программно-аппаратные комплексы, которые часто именуется роботами, дронами, беспилотными устройствами (например, автомобили, летательные аппараты, суда, роботы-доставщики) и т.п. Данные программно-аппаратные комплексы охватываются общим термином киберфизические системы (далее - КФС). На сегодняшний день существуют различные подходы к их пониманию и определению. Национальный институт науки и технологий при Министерстве торговли США, занимающийся изучением КФС, определяет ее как интеллектуальную систему, включающую в себя комплекс физических и вычислительных компонентов, технически взаимодействующих между собой. Кроме того, в отдельном исследовании указанного института, посвященном изучению термина КФС, отмечается наличие у нее следующих важных характеристик:

1) это гибридная система, поскольку имеется в виду интеграция вычислений с физическими процессами;

2) КФС необходимо исследовать при помощи смешанного подхода, предполагающего одновременное изучение взаимодействия физических процессов, программного обеспечения и сетей;

3) КФС объединяет вычислительные и коммуникационные возможности с мониторингом и контролем объектов в физическом мире;

4) она состоит из физических объектов, датчиков (сенсоры и

приводы) и информационных систем;

5) вызовом для исследователей киберфизической системы является синхронизация времени событий, происходящих в физическом мире, с временем событий в виртуальном пространстве;

6) необходимо наличие требований к безопасности, надежности и защищенности КФС, особенно в критически важных сферах.

Согласно определению, указанному в Европейской стратегии развития КФС, она состоит из вычислительных, коммуникационных и управляющих компонентов, тесно взаимодействующих с физическими процессами различной природы (механическими, электрическими и химическими).

КФС можно описать следующими признаками: «связанный», «воспринимающий» и «контролируемый», что соответствует трем аспектам киберфизической системы: физический мир связан при помощи сетевых технологий и интегрирован в киберпространство посредством датчиков и управления.

Авторы работы, посвященной анализу законодательства в области робототехники и киберфизических систем, пишут, что в киберфизической системе «информационная (вычислительная, коммуникационная) составляющая интегрирована в физический (аппаратный) компонент».

В «Национальном стандарте Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» содержится следующее определение КФС: «Информационно-технологическая концепция, подразумевающая интеграцию вычислительных ресурсов в физические процессы. В такой системе датчики, оборудование и информационные системы соединены на протяжении всей цепочки в логику управления для создания стоимости, выходящей за рамки одного предприятия или бизнеса. Эти системы взаимодействуют друг с другом с помощью стандартных интернет-протоколов для прогнозирования, самонастройки и адаптации к

изменениям».

Таким образом, мы подходим к пониманию киберфизической системы как интеграции трех неотъемлемых элементов: физических объектов; программного обеспечения; коммуникационных сетей. Именно при такой конфигурации техническое средство или их совокупность следует считать киберфизической системой. При этом автономность не является обязательным характеризующим признаком КФС. В зависимости от отдельных особенностей КФС делится на множество типов и тем самым охватывает широкий перечень технических средств и их комплексов. К примеру, киберфизическая система включает в себя такие понятия, как интернет вещей, промышленный интернет, «умные» города, а также отдельные физические объекты (гаджеты, транспортные средства, дроны, роботы-хирурги, здания, дома и т.д.), управляемые посредством программного обеспечения.

Проведенный анализ признаков киберфизических систем позволяет сделать следующий вывод: киберфизическая система представляет собой интеграцию физических объектов, программного обеспечения и коммуникационных сетей. Понятие является очень объемным, включающим в себя множество различных объектов материального мира, и поэтому разработка конкретной юридической дефиниции, а также ее использование в нормативных правовых актах представляется нецелесообразным. Более предпочтительным является закрепление набора неотъемлемых признаков КФС, что позволит создать индивидуальный и в то же время гибкий подход к регулированию этой сферы общественных отношений.

Из вышеизложенного следует, что киберфизические системы можно признать автономными лишь при условии, что они управляются системой ИИ. Сами по себе системы ИИ могут быть автономными, даже если не будут интегрированы в конкретный объект материального мира.

Интересным фактом является то, что в науке разрабатываются также

кибербиологические системы, представляющие собой программируемые биологические системы. В пользу этого свидетельствуют имеющиеся научные работы, в которых описываются достижения синтетической биологии. В частности, исследователи из Швейцарской высшей технической школы Цюриха создали биологический двухъядерный процессор, похожий на электронный, интегрировав в клетку два ядра. Они нашли способ использовать биологические компоненты для создания гибкого процессорного ядра, или центрального процессора, который можно программировать различными способами. Этот процессор основан на модифицированной системе CRISPR-Cas9. По сути, как утверждают авторы, они создали клеточный компьютер с несколькими процессорами. Кроме того, как отмечает Ж. Пекку, уже совершаются первые попытки проектировать организмы, кодируя алгоритмы управления в молекулах ДНК, которые могут воспроизводиться, общаться друг с другом или использовать сложные сети взаимодействий. Беспрецедентный уровень сложности этих спроектированных биологических систем отличает их от киберфизических систем. В своей статье автор предлагает именовать такие системы кибербиологическими.

Интересным представляется также концепция био-киберфизических систем, которые включают в себя одновременно и биологический, и физический компонент. Авторы данной концепции утверждают, что уровень взаимопонимания и взаимодействия человека с био-киберфизической системой будет крайне высоким. Человек сам обладает биологической природой и, следовательно, взаимодействие с системой, в которую интегрирован такой же биологический компонент, будет более тесным, чем с системой, которая состоит из физического компонента. Вместе с тем говорить о необходимости разработки специальных подходов к правовому регулированию применения данных систем в общественном пространстве является преждевременным.

Рассмотренные в данном параграфе вопросы потенциально окажут

влияние на развитие права, поскольку в юриспруденции технические средства всегда воспринимались как предметы материального (недвижимые и движимые вещи) и нематериального (результаты интеллектуальной деятельности) мира и обладали статусом объектов права. При этом с юридической точки зрения возникновение автономности у объектов права само по себе революционного значения не имеет, например, действия «робота-пылесоса» не влияют на общественные отношения и не влекут каких-либо правовых последствий. В то же время если объекты права обладают не только автономностью, но и способностью совершать юридически значимые действия, то правовая природа таких объектов будет качественно другой. Следовательно, можно предположить, что правовое регулирование общественных отношений, в которых задействованы такие автономные технические средства, будет основываться на качественно новых подходах.

Краткие выводы:

а. 1. В научной литературе, отдельных нормативных правовых актах и технических стандартах используются термины «общий (сильный) ИИ» и «прикладной (слабый) ИИ». С термином общий ИИ связана потенциальная возможность возникновения в будущем технических средств, которые по своим когнитивным способностям будут, как минимум, соответствовать человеческому интеллекту. Прикладной ИИ связан с существующими техническими средствами, которые на основе алгоритмов и данных способны самообучаться и действовать автономно в определенных ситуациях. В настоящем исследовании мы будем исходить из рассмотрения подходов к правовому регулированию применения прикладного ИИ, так как именно данный комплекс технологических решений массово используется в общественном пространстве.

1. 2. Рационально использовать термин «системы ИИ», так как он позволяет наиболее корректно определять конкретные

программные продукты в контексте их связи с человеком в рамках общественных отношений. Системы ИИ основываются на алгоритмах и данных, однако сам по себе термин «алгоритм» является более широким, не все алгоритмы являются системами ИИ.

2. 3. Для формирования правового регулирования применения систем ИИ необходимо основываться на их ключевых характеристиках, таких как возможность самообучения и автономность систем ИИ в конкретных условиях.

3. 4. Не следует законодательно определять исчерпывающий перечень подходов и методов создания систем ИИ в рамках одного термина из-за динамичного развития технологий. При создании систем ИИ используется ряд подходов и методик, которые находятся в постоянном развитии в ходе технологического прогресса. Наиболее рациональным решением является ведение соответствующего реестра органами исполнительной власти, иными компетентными органами и организациями.

4. 5. Системы ИИ могут создаваться в виде исключительно программного обеспечения или быть интегрированы в физические объекты.

§3. Концепции правового регулирования в сфере функционирования искусственного интеллекта

Правовое и техническое регулирование использования систем ИИ в настоящее время находится на этапе разработки или апробации. Многими государствами приняты различные национальные стратегии развития искусственного интеллекта и робототехники, в которых в том числе содержатся общие подходы к регулированию их применения. Перед законодателями государств, которые заявляют о своих намерениях достичь лидерства в данной области, стоит важная задача по выбору концепции правового регулирования, на которой будет строиться

нормативная база. Этот выбор преимущественно предопределяется двумя факторами: необходимостью соблюдения прав человека и стремлением к развитию инноваций. Известно, что эти две ценности в ряде случаев умаляют друг друга. При разработке концепции важно стремиться к созданию такого подхода, который примирил бы эти два фактора. В Европейском союзе, Соединенных Штатах Америки и Китайской Народной Республике правовое регулирование разрабатывается на основе существенно разных ценностных подходов. С учетом того, что для Российской Федерации также важно своевременное создание благоприятных правовых условий для функционирования и развития систем ИИ, целесообразно рассмотрение отечественного подхода в контексте сравнения политики, проводимой в ЕС, США и КНР. Именно по этой причине данные страны и регионы были выбраны для проведения сравнительно-правового исследования.

Правовая основа регулирования применения искусственного интеллекта в Европейском союзе: риск-ориентированный подход. На уровне ЕС важнейшим органом власти, который активно осуществляет деятельность, направленную на развитие искусственного интеллекта, является Европейская комиссия. Она поставила перед собой задачу реализовать комплекс мер, нацеленных на стимулирование развития отрасли с одновременным соблюдением основных прав человека. Указанным органом власти выдвинуты три предложения по превращению Европы в пространство, в котором будут активно развиваться инновации, обеспечиваться безопасное использование технологий и поддержка благоприятных условий для ведения бизнеса. Данные предложения включают в себя разработку: а) правовой концепции регулирования применения систем ИИ (опубликована); б) порядка установления субъекта ответственности за вред, причиненный системами ИИ (завершение и опубликование планируется в IV квартале 2021 – I квартале 2022 годов); в) актуального отраслевого законодательства (например, правил техники

безопасности, общей директивы по безопасности продукции, опубликование запланировано на II квартал 2021 года).

Для нас представляет большой интерес правовая концепция, которая комплексно отражена в опубликованном в апреле 2021 года проекта Регламента АІА. В процессе его разработки Европейской комиссией были рассмотрены различные подходы к правовому регулированию в зависимости от степени регламентации общественных отношений. По итогам экспертных обсуждений были сформулированы четыре предварительных варианта регулирования:

- – принятие единого акта на уровне ЕС, предусматривающего добровольную сертификацию (вариант 1);
- – отраслевой подход (ad hoc) (вариант 2);
- – принятие комплексного акта на уровне ЕС, предполагающего регламентацию общественных отношений на основе принципа пропорциональности и риск-ориентированного подхода (вариант 3);
- – принятие комплексного акта на уровне ЕС, предполагающего регламентацию общественных отношений на основе принципа пропорциональности и риск-ориентированного подхода с параллельным использованием добровольных этических кодексов в отношении систем ИИ, применение которых не связано с высоким риском (вариант 3+);
- – принятие комплексного акта на уровне ЕС, устанавливающего обязательные требования для всех систем ИИ вне зависимости от степени риска, который они представляют (вариант 4).

С учетом результатов экспертных обсуждений Европейской комиссией было принято решение разработать проект регламента на основе варианта 3+. Как уже отмечалось, ключевой идеей данного документа является применение в регулировании риск-ориентированного подхода. Основная его суть заключается в отнесении систем ИИ к

различным категориям в зависимости от того, какую степень потенциальной угрозы здоровью, безопасности и основным правам человека создает их использование. Так, системы ИИ могут быть признаны средствами, создающими: а) неприемлемый риск; б) высокий риск; в) низкий риск.

Системы ИИ с неприемлемым риском являются полностью запрещенными, поскольку их применение нарушает общечеловеческие ценности, признанные в Европейском союзе. В частности, не допускается использование различных систем, влияющих на сознание человека против его воли, имеется в виду различные манипулятивные техники, использующие особенности различных уязвимых категорий населения: дети, пожилые, лица с психологическими нарушениями и т.п.

Если предыдущая категория не вызывает каких-либо споров, кроме возможного излишне широкого применения на практике, что будет тормозить инновационное развитие, то следующая представляет интерес в силу своей неоднозначности. Высокорисковые системы ИИ подпадают под целый блок нормативных требований и допускаются на европейский рынок только при условии полного их предварительного соблюдения. Критериями присвоения конкретной системе ИИ выступают функциональная характеристика, а также ее предназначение. Внутри данной группы они делятся на:

- а) системы ИИ, предназначенные для использования в качестве компонента безопасности продуктов, подлежащих предварительной оценке соответствия третьей стороной;
- б) системы ИИ, эксплуатирование которых может влиять на состояние прав человека, конкретный их список указывается в отдельном приложении (например, использование в правоохранительной деятельности, в отправлении правосудия, в обеспечении демократии).

Требования представляют собой систему постоянного управления рисками: наблюдение, выявление и их оценка с учетом имеющихся

технических возможностей; тщательное тестирование систем в процессе разработки и до введения в эксплуатацию с учетом предназначения конкретной системы ИИ. Особое внимание необходимо уделять работе с данными: они должны быть актуальными, репрезентативными, корректными и полными.

И, наконец, к третьей категории проект Регламента АІА предлагает относить системы ИИ с низким риском, в отношении которых не требуется создавать никакого нормативного регулирования. Однако обращается внимание на то, что ответственные субъекты при создании, разработке и использовании таких систем могут на добровольных началах соблюдать кодексы этики по их применению.

В совместном заявлении Европейского совета по защите персональных данных (European Data Protection Board) (далее – EDPB) и Европейского надзорного органа по защите персональных данных (European Data Protection Supervisor) (далее – EDPS) содержится критика некоторых положений проекта Регламента АІА, в частности, представляется заслуживающими внимания следующие замечания и предложения:

- – авторы заявления выступают против положения, согласно которому акт не применяется к государственным органам третьих странах или к международным организациям если эти субъекты используют системы ИИ в рамках международных соглашений о правоохранительном и судебном сотрудничестве с ЕС, государствами-членами ЕС;

- – предлагается дополнить положения проекта Регламента АІА таким образом, чтобы он применялся к уже созданным и эксплуатируемым системам ИИ;

- – в соответствии со статьей 43(4) проекта Регламента АІА высокорисковые системы ИИ при каждом существенном изменении должны проходить процедуру оценки соответствия, предлагается

обеспечить соответствие системы ИИ требованиям проекта Регламента АІА на протяжении всего их жизненного цикла;

- – предлагается дополнить статью 1 проекта Регламента АІА положением, которое однозначно укажет на то, что законодательство ЕС о защите персональных данных (GDPR, EUDPR, ePrivacy Directive и LED) должно применяться к любой обработке персональных данных, попадающих в сферу действия проекта Регламента АІА;

- – EDPB и EDPS считают, что подход, основанный на риске, должен быть уточнен, а концепция «риск для основных прав» должна быть приведена в соответствие с GDPR в той мере, в которой это связано с защитой персональных данных;

- – проект Регламента АІА не учитывает риски для объединений отдельных лиц или общества в целом (например, как групповая дискриминация или выражение политических взглядов в общественных местах). EDPB и EDPS рекомендуют, чтобы общественные или групповые риски, создаваемые системами ИИ, оценивались и смягчались в равной степени;

- – актом предусмотрено, что поставщики систем ИИ проводят оценку рисков, однако в большинстве случаев контролерами (данных) будут пользователи, а не поставщики (например, пользователь системы распознавания лиц является «контролером» и, следовательно, не связан требованиями к поставщикам систем ИИ с высоким уровнем риска). Таким образом, первоначальная оценка риска будет носить более общий характер, чем та, которую проводит пользователь системы ИИ;

- – критерии, указанные в статье 5 проекта Регламента АІА для отнесения систем ИИ к категории запрещенных, ограничивают объем запрета настолько, что на практике он может оказаться бессмысленным (например, «причиняет или может причинить [...] физический или психологический вред» в статье 5(1)(a) и (b); ограничение в отношении государственных органов в статье 5(1)(c);

- – использование систем ИИ для «социального скоринга», как это предусмотрено в статье 5(1)(с), может привести к дискриминации и противоречить фундаментальным ценностям ЕС, поскольку запрещается такая практика только в том случае, если она проводится «в течение определенного периода времени» или «государственными органами или от их имени». Частные компании (например, социальные сети и облачные сервисы), могут обрабатывать огромные объемы персональных данных и также проводить свой социальный скоринг, предлагается запретить любой вид социального скоринга;

- – статья 5(1)(d) содержит обширный список исключительных случаев, когда удаленная биометрическая идентификация в режиме реального времени в общедоступных местах разрешена в правоохранных целях. EDPB и EDPS считают такой подход ошибочным и предлагают ввести общий запрет на любое использование систем ИИ для автоматического распознавания человеческих черт в публичных местах – как лиц, так и походки, отпечатков пальцев, ДНК, голоса, нажатия клавиш и других биометрических или поведенческих признаков;

- – для использования систем ИИ в процессе принятия решений государственными органами должны быть предусмотрены способы исследования полного исходного кода;

- – следует четко установить, что надзорные органы в соответствии с проектом Регламента АИА должны быть полностью независимыми при выполнении своих задач, поскольку это будет существенной гарантией надлежащего надзора за соблюдением всех требований акта.

Отдельные положения проекта Регламента АИА также критиковались в юридической науке. В частности, отмечалось, что в проекте используется слишком широкий подход к определению систем ИИ, недостаточно урегулировано использование систем ИИ с высоким

риском, а также систем ИИ для скоринговых систем и биометрической идентификации частными компаниями, в том числе в сотрудничестве с государственными органами, соотношение проекта Регламента АІА с уже существующим на уровне ЕС регулированием в сфере персональных данных и т.п.

Использование систем ИИ поднимает юридические вопросы и на уровне национального законодательства европейских стран. Эти вопросы касаются, в частности, прав человека, конфиденциальности, справедливости, алгоритмической прозрачности и подотчетности. Многие государства подчеркивают необходимость оценки существующей правовой базы и принятия нового законодательства, чтобы обеспечить благоприятные правовые условия для успешного внедрения и эксплуатации систем ИИ.

Так, в Бельгии принят Королевский указ «Об испытаниях автоматизированных транспортных средств» в марте 2018 года. Аналогичный акт принят в 2017 году и парламентом Дании, которым внесена поправка в закон «О дорожном движении», разрешающая тестирование беспилотных транспортных средств. Кроме того, в Дании внесены изменения в закон «О финансовой отчетности»: актом предусмотрено, что крупнейшие компании, придерживающиеся политики в области этики данных, должны предоставлять информацию о соответствии ей, в то время как компании, не имеющие политики в области этики данных, обязаны объяснить, почему у них нет такой политики. В Финляндии в 2020 году принят новый закон, направленный на развитие бесперебойной работы и безопасности транспорта, создание предпосылок для цифровизации и автоматизации дорожного движения. В Нидерландах также приняты и действуют нормативные правовые акты о самоуправляемых транспортных средствах, об автоматизированном принятии решений правоохрательными органами и о предотвращении дискриминации при приеме на работу с использованием

автоматизированных систем. Наконец, Литва приняла закон «Об автономном вождении», который разрешает управлять автомобилями без присутствия водителя.

Таким образом, страны начинают разрабатывать отраслевые правила для четко определенных областей применения систем ИИ, которые в настоящее время не охвачены или недостаточно охвачены действующим законодательством ЕС. Примечательным в этом отношении являются нормативные правовые акты о беспилотных транспортных средствах. Многие государства приняли акты, позволяющие проводить испытания беспилотных транспортных средств и связанных с ними технологий на дорогах общего пользования. Другими областями регулирования, которым уделяется особое внимание, являются оборот данных (в частности, в здравоохранении) и автоматизированное принятие решений. Норвегия, например, работает над предложениями по внесению поправок в свой закон «О регистре здравоохранения», чтобы разграничить использование данных для лечения пациентов и правила получения согласия от отдельных лиц. Словакия также готовит новый закон о данных, чтобы лучше определить правила защиты данных, принципы раскрытия, доступ к данным и правила открытых данных. Многие европейские государства также рассматривают возможность создания специальных правовых режимов для экспериментов с системами ИИ, например, путем разработки «регуляторных песочниц». Хотя об этом было объявлено в нескольких национальных стратегиях развития систем ИИ государств-членов ЕС, в большинстве государств разработка «регуляторных песочниц» для систем ИИ все еще находится в процессе.

Можно отметить, что на уровне национальных государств принимаются различные нормативные правовые акты, разрешающие вопросы в отдельных сферах деятельности человека. По всей видимости, после окончательного завершения формирования европейского законодательства в области применения систем ИИ государствам-членам

ЕС необходимо будет пересмотреть национальное законодательство в целях их гармонизации с европейскими актами.

Из всего написанного следует, что Европа находится на пути принятия единого сквозного нормативного акта, который будет затрагивать самые разные сферы общественных отношений. Риск-ориентированный подход фактически построен вокруг человека, т.е. основным критерием в регулировании является степень потенциальной угрозы, которую несет система ИИ правам личности. Положительная сторона такой системы регулирования заключается в том, что она не ограничена какой-то одной сферой и в целом будет направлена на охрану и защиту прав и свобод граждан вне зависимости от области применения систем ИИ. Однако из этого вытекает и отрицательная сторона, связанная с тем, что чрезмерное количество нормативных требований к субъектам, участвующим в разработке, распространении и использовании систем ИИ, может существенно затормозить развитие самой отрасли, что в конечном итоге, как минимум в экономическом плане, негативно отразится на качестве жизни граждан. Необходимо также обратить внимание на то, что принятие закона о применении риск-ориентированного подхода не освободит субъектов соответствующих общественных отношений от обязанности соблюдать все требования, предусмотренные GDPR, что может фактически привести к двойному регулированию.

Использование систем искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки: особенности регламентации общественных отношений. В США последние несколько лет наблюдается увеличение количества поступающих в федеральный орган законодательной власти проектов нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта. Так, в Конгресс 115-го созыва (2017-2018 гг.) поступило 50 законопроектов с упоминанием искусственного интеллекта, а в следующем 116-м созыве (2019-2020 гг.) их число достигло уже 175. Это свидетельствует о существенном повышении интереса со стороны

законодателей к регулированию данной области. Вместе с тем стоит отметить, что только 7 из них были приняты и вступили в силу. Кроме того, эти акты концептуально между собой не связаны и посвящены таким разным вопросам, как бюджет, развитие научных центров, оборона и международные отношения.

На федеральном уровне правовое регулирование общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом, осуществляется нормативными актами органов исполнительной власти. Важным программным документом является Указ Президента США от 11 февраля 2019 года № 13859 «Об обеспечении американского лидерства в искусственном интеллекте» (далее – Указ Президента США № 13859). В нем определены пять ключевых принципов, на основе которых планируется разработка государственной политики в сфере развития искусственного интеллекта. В Указ Президента США № 13859 сформулированы следующие принципы государственной политики: а) содействие внедрению технологических прорывов; б) развитие технических стандартов; в) подготовка работников, обладающих навыками развития и применения технологий ИИ; г) повышение доверия граждан к системам ИИ и обеспечение личных прав человека (в особенности права на неприкосновенность частной жизни); д) развитие международной среды, способствующей поддержке американских разработок и открытию для них новых рынков – с учетом необходимости сокрытия критически важных технологических преимуществ в области ИИ от стратегических конкурентов и соперничающих стран.

На основе Указа Президента США № 13859 администрацией Президента США для министров и глав иных органов исполнительной власти в ноябре 2020 года было утверждено Руководство по регулированию применения искусственного интеллекта. В Руководстве подробно изложены принципы, на основе которых органы исполнительной власти должны разработать нормативные и

ненормативные подходы к внедрению и эксплуатации систем ИИ как на общем, так и отраслевом уровне. Данные принципы вытекают из Указа Президента США № 13859, однако сформулированы более конкретно:

- – создание общественного доверия к системам ИИ;
- – участие общественности в принятии решений;
- – использование максимально объективной и научно обоснованной информации в деятельности органов исполнительной власти;
- – применение риск-ориентированного подхода в регулировании использования систем ИИ;
- – учет преимуществ и издержек от использования систем ИИ;
- – использование ориентированных на результат гибких подходов к регулированию;
- – анализ возможных дискриминационных последствий от использования систем ИИ;
- – обеспечение прозрачности и подотчетности принимаемых системами ИИ решений;
- – обеспечение безопасности на всех этапах функционирования систем ИИ;
- – осуществление межведомственной координации между различными государственными органами.

В этом документе любопытным является положение, в соответствии с которым в случае, если для использования конкретного технологического решения в сфере ИИ достаточно имеющейся нормативной правовой базы либо разработка нового законодательства несоизмерима с прогнозируемой экономической пользой от данного решения, то от его использования необходимо либо отказаться, либо использовать нерегуляторные подходы. К числу последних относятся руководства или программы по осуществлению государственной

политики в отдельных секторах экономики, пилотные программы и эксперименты, а также добровольно принятые стандарты и саморегулирование.

Непосредственно вопросы правоприменения в области ИИ относятся к ведению отдельных органов исполнительной власти. Важнейшим таким государственным органом является Федеральная комиссия по торговле (далее – ФКТ), в компетенцию которой входит надзор за соблюдением антимонопольного законодательства и актов в сфере защиты прав потребителей. ФКТ регулярно выпускает разъяснения и рекомендации для технологических компаний по вопросам комплаенса в сфере применения технологий ИИ. В частности, ФКТ в своей практике часто использует следующие акты, релевантные в области ИИ: а) раздел 5 (а) Закона «О Федеральной комиссии по торговле» – запрещает недобросовестную или вводящую в заблуждение потребителей практику. Данное положение распространяется на продажу или использование, например, алгоритмов, основанных на расовых предубеждениях; б) Закон «О справедливой кредитной отчетности» – может применяться, когда используется алгоритм, позволяющий отказывать людям в трудоустройстве, жилье, кредитах, страховании или других льготах; в) Закон «О равных кредитных возможностях» – запрещает компаниям использовать предвзятый алгоритм, который приводит к дискриминации по признаку расы, цвета кожи, религии, национального происхождения, пола, семейного положения, возраста или на основании того, что человек получает государственную помощь.

Одним из ярких примеров, в котором был применен раздел 5 (а) Закона «О Федеральной комиссии по торговле», является резонансное дело 2019 года *United States of America v. Facebook, Inc.* Еще в 2012 году Федеральная комиссия по торговле по результатам расследования, посвященного политике компании «Facebook» в отношении конфиденциальности данных пользователей, издала приказ, который

запрещал ей искажать сведения: а) о том, в какой степени пользователи могут контролировать конфиденциальность своих данных; б) о мерах, которые пользователи должны предпринять для осуществления такого контроля; в) об объеме информации, передаваемом третьим лицам. В 2019 году Окружным судом США округа Колумбия было установлено, что компания не обеспечила соблюдение вышеуказанных требований и тем самым нарушила данный приказ. Например, в той или иной мере настройки «Facebook» вплоть до 2018 года допускали разработчикам сторонних приложений, интегрированных в социальную сеть, собирать информацию не только о пользователях, которые установили эти приложения, но также и о друзьях данного пользователя, которые не устанавливали это приложение и, следовательно, не были об этом осведомлены. Это привело к тому, что по меньшей мере в течение нескольких лет различными компаниями фактически тайным образом собирались массивные данные о пользователях социальной сети. По итогам расследования Федеральная комиссия по торговле наложила на компанию «Facebook» рекордный штраф в размере 5 миллиардов долларов США, а также обязала ее существенно изменить систему контроля и надзора за использованием конфиденциальных данных пользователей. Одним из требований стало создание в структуре компании независимого комитета по конфиденциальности, в который не могут входить топ-менеджеры и сотрудники «Facebook».

Еще одним делом, в результате разрешения которого ФКТ выработала достаточно важную правовую позицию, является расследование деятельности компании «Everalbum». Указанная компания оказывала услуги по хранению фотографий на своих облачных платформах. Пользователи сервиса с помощью функции распознавания лиц могли упорядочивать и сортировать фотографии в соответствии с тем, кто на них был изображен. В июле 2018 года «Everalbum» проинформировала пользователей, что она будет применять технологию

распознавания лиц к их фотографиям только в том случае, если они дадут на это свое согласие. Тем не менее, как утверждала ФКТ, технология распознавания лиц использовалась по умолчанию практически на всех аккаунтах до апреля 2019 года, только некоторая часть пользователей действительно могла деактивировать распознавание лиц.

Кроме того, «Everalbum» объединила биометрические данные миллионов лиц, извлеченных из фотографий пользователей, с общедоступными наборами данных и разработала сервис под названием «Paravision». Деятельность этого сервиса была направлена на оказание услуг по распознаванию лиц для корпоративных клиентов. В соответствии с заключенным с ФКТ мировым соглашением «Everalbum» приняла на себя обязательства удалить: а) фотографии и видео всех пользователей, которые деактивировали свои аккаунты; б) все биометрические данные (сведения, которые могут быть использованы для распознавания лиц), полученные из изображений пользователей, которые не дали своего явного согласия на их использование; в) любые модели или алгоритмы распознавания лиц, разработанные компанией с использованием фотографий или видео пользователей. В этом решении ФКТ особенно обращает на себя внимание то, что от компании потребовали удаления моделей и алгоритмов, созданных на основе «испорченных» данных. Данная позиция, вероятнее всего, станет важным ориентиром для акторов индустрии ИИ в целом, поскольку содержит однозначное правовое разрешение ситуации, в которой могут оказаться многие. Таким образом, компаниям и отдельным разработчикам, прежде чем приступать к работе по построению моделей и алгоритмов на основе систем ИИ, стоит удостовериться в «чистоте» данных, используемых для обучения.

На уровне штатов наиболее урегулированным аспектом, связанным с искусственным интеллектом, является регламентация использования беспилотных транспортных средств. Более чем в половине штатов приняты законодательные акты, в той или иной степени разрешающие

использование таких транспортных средств на дорогах общего пользования.

Рассмотрим далее отдельные законы, действующие в различных штатах. В Иллинойсе принят закон «О видео-интервью с искусственным интеллектом», предусматривающий, что работодатели обязаны уведомлять интервьюируемых, что для их оценки может быть использован искусственный интеллект. Перед собеседованием они должны получить согласие кандидатов, обязаны предоставить информацию о том, как работает искусственный интеллект и какие критерии используются для оценки их профессиональной пригодности. В штате Алабама действуют два закона, которыми признается влияние технологий в сфере искусственного интеллекта на растущее число рабочих мест в штате, учреждается государственная комиссия по искусственному интеллекту для рассмотрения и консультирования по всем аспектам развития и использования искусственного интеллекта в различных областях. В Калифорнии принят закон, который обязывает каждое государственное агентство предоставлять информацию общественности до утверждения субсидии на развитие складских распределительных центров, регулярно предоставлять отчет о сокращении или замене рабочих мест из-за автоматизации в Управление бизнеса и экономического развития при Губернаторе. В штате Нью-Йорк законом в 2019 году была создана временная государственная комиссия до декабря 2020 года для изучения вопросов регулирования искусственного интеллекта, робототехники и автоматизации.

В 2021 году более чем в 10 штатах внесены проекты законов или резолюций парламентов, связанных с регулированием применения искусственного интеллекта. Все они находятся на стадии рассмотрения и связаны с такими вопросами, как развитие искусственного интеллекта (Алабама); использование государственными органами методов, минимизирующих риск неблагоприятных последствий использования

систем автоматизированного принятия решений (Калифорния); налоговые льготы (Гавайи); установление требований по обеспечению справедливости, прозрачности автоматизированных систем принятия решений, используемых государственными органами, конфиденциальность данных потребителей (Массачусетс); проверка алгоритмов компьютерной системы и логических формул, используемых агентством по безработице (Мичиган); запрет дискриминации отдельных категорий населения автоматизированными системами принятия решений (Нью-Джерси); учреждение комиссии, которая будет следить за влиянием технологий на рынок труда и экономику штата в целом (Нью-Йорк); создание консультативной группы в целях устранения предвзятости программного обеспечения, используемого государственными органами (Вермонт); установление руководящих принципов для осуществления государственных закупок и использования автоматизированных систем принятия решений для защиты потребителей и повышения прозрачности рынка (Вашингтон).

Таким образом, в США как на федеральном, так и на уровне штатов отсутствуют сквозные законы, формирующие единый правовой подход к регулированию рассматриваемой области. Представляется, что это сознательная правовая политика государства, которая базируется на принципе регулирования «ad hoc» и предполагает регламентацию общественных отношений по мере их естественного развития. Именно поэтому действующие в США нормативные правовые акты имеют разнонаправленный характер и не являются едиными со смысловой точки зрения. Можно сказать, что регулирование не является комплексным и затрагивает отдельные сферы (например, транспорт и медицину) либо узкие вопросы (к примеру, дискриминация при найме на работу и использование автоматизированных систем принятия решений государственными органами), связанные с разработкой и эксплуатацией систем ИИ. Одновременно с этим в США правоприменительные органы

активно используют антидискриминационные законы и распространяют их положения на общественные отношения в сфере искусственного интеллекта, тем самым защищая права человека.

В целом, американский подход прежде всего выгоден с экономической точки зрения, поскольку не предусматривает создания массивного механизма правового регулирования, что позволяет относительно легко разрабатывать, распространять и пользоваться системами ИИ. Иными словами, порог входа в отрасль достаточно низкий и это безусловно будет стимулировать развитие индустрии. Вместе с тем существует риск и того, что прежде чем в США сформируется достаточная правоприменительная практика с участием систем ИИ и будут выработаны исчерпывающие правовые способы не только разрешения, но и предотвращения нарушения основных прав человека, произойдет значительное количество инцидентов в области взаимодействия человека с системами ИИ.

Концепция правового регулирования применения искусственного интеллекта в КНР. В июле 2017 года Государственный совет КНР обнародовал стратегию развития ИИ, которая получила название «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (New Generation Artificial Intelligence Development Plan (AIDP)). В данной стратегии перед КНР поставлена цель стать доминирующим игроком в области ИИ к 2030 году, а также занять лидирующее место в сфере разработки нормативной базы, этических норм и стандартов для ИИ. Сама концепция представляет общую модель, содержащую цели и принципы правового регулирования, соответственно ее необходимо рассматривать в комплексе с массой других нормативных правовых актов. В концепции определены три основных этапа развития КНР до 2030 года:

а. – к 2020 году в КНР предполагается сохранить конкурентоспособность по сравнению с другими крупными державами и оптимизировать условия для развития систем ИИ. Также предполагается

определить и закрепить основы государственной политики, сформулировать ключевые подходы к правовому регулированию и выработать этические нормы для жизненно важных областей ИИ;

в. – к 2025 году в КНР предполагается достичь значительного технологического прорыва в базовой теории ИИ и стать мировым лидером в некоторых областях применения. КНР также планирует расширить и законодательно закрепить этические стандарты для применения систем ИИ;

с. – к 2030 году КНР планирует стать мировым центром инноваций в области ИИ. Также ожидается дальнейшее совершенствование нормативных правовых актов и стандартов для решения возникающих вызовов в условиях технологического развития.

По мнению группы исследователей из Оксфорда и Института Алана Тьюринга, данная концепция хотя и разработана государством, однако фактическая реализация указанных инноваций и преобразований будет осуществляться частными компаниями и местными органами власти. Особенностью нормативного регулирования в КНР также является достаточно быстрая его адаптация под использование новых технологических решений на широком рынке. Так, в КНР, в отличие от уже рассмотренных стран, активно используются беспилотные автомобили на дорогах общего пользования в границах размеченных территорий, впервые начали функционировать автоматизированные интернет-суды, создается единая система социального рейтинга.

Также в КНР утверждена «Концепция развития беспилотного транспорта», которой определен ряд целей до 2025 года:

а. – крупномасштабное производство беспилотных автомобилей, работающих в определенных условиях, или транспортных средств третьего уровня;

б. – развертывание беспилотных транспортных средств четвертого уровня для конкретных сред (роботакси, беспилотные грузовые

и товарные транспортные средства);

с. – полноценные стандарты для беспилотных транспортных средств, охватывающие технологические инновации, инфраструктуру, законодательство, надзор и сетевую безопасность.

Достаточно большую работу КНР проделал и в сфере защиты данных. В 2016 году был разработан Закон «О кибербезопасности КНР» (Cybersecurity Law of the People's Republic of China (CSL)), который установил сходные с ЕС и США требования к регулированию. Однако в связи с тем, что КНР является государством с авторитарной политической системой, защита конфиденциальности в большей мере связана с решениями органов государственной власти, а не созданием единого правового поля, поддерживаемого независимыми судебными решениями.

В последние годы КНР усиливает цифровое регулирование с помощью нового Закона «О безопасности данных» (Data Security Law (DSL)) и Закона «О защите личной информации» (Personal Information Protection Law (PIPL)). Администрация кибербезопасности КНР также объявила о том, что с 1 марта 2022 года вступит в силу новый закон о регулировании предиктивных алгоритмов.

Данная проблема касается и других сфер общественной и экономической деятельности. Свобода частных и общественных организаций достаточно жестко ограничена интересами государства. Принимая нормативные правовые акты государство оставляет за собой массу возможностей по неограниченному участию в деятельности частных компаний, а также активно внедряет инновации для создания единой системы контроля за всеми сферами общественной жизни.

Таким образом с одной стороны в КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем ИИ, инновации значительно активней внедряются в общественное пространство, чем в ЕС и США, за счет централизованного регулирования, но с другой – фактическая их реализация возложена в большей степени на частные

компании и местные органы власти, а государство сохраняет широкие возможности по контролю во всех сферах.

Концепция правового регулирования применения искусственного интеллекта в Российской Федерации. В Российской Федерации реализация политики по разработке правовых условий для благоприятного развития искусственного интеллекта началась с принятия национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В ее паспорте предусмотрена разработка целого ряда нормативных правовых актов. В частности, после многочисленных дискуссий был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который вступил в силу в 2021 году. Данный закон имеет важное для отрасли значение, поскольку разрешает вводить в оборот в рамках особого правового режима системы ИИ в таких сферах, как медицина, транспорт, сельское хозяйство, финансы, продажа товаров (работ, услуг) дистанционным способом, градостроительство, государственное управление и промышленность.

Основные положения регулирования рассматриваемой области заложены в Национальной стратегии развития ИИ. Данным документом предусмотрено создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, и перечислены основные ее направления. Во исполнение задач, указанных в стратегии, в 2020 году распоряжением Правительства РФ утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники» (далее – Концепция ИИ).

Положения Концепции ИИ в целом отражают отечественный подход к регулированию отрасли. В частности, федеральные органы исполнительной власти должны руководствоваться положениями Концепции ИИ при осуществлении функций по выработке

государственной политики и нормативному правовому регулированию в соответствующих сферах.

В рассматриваемом документе выделен ряд концептуальных проблем, требующих своего правового разрешения. К ним отнесены такие вопросы, как отсутствие доступа к необходимому объему данных для обучения систем ИИ, неопределенность предмета и границ правового регулирования, идентификация систем ИИ при взаимодействии с человеком, правовое «делегирование» решений системам ИИ, ответственность за причинение вреда системами ИИ, правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок и невозможность в ряде случаев полного объяснения принятого ими решения.

Стоит отметить, что Концепции ИИ не лишена некоторых недостатков. Во-первых, недостаточно ясно, что авторами имеется в виду под проблемой «правовое «делегирование» решений ИИ». Можно только предположить, что под этим понимается возможность принятия юридически значимых решений системами ИИ. Во-вторых, делегирование принятия решений системам ИИ пересекается по смыслу с другой проблемой: «использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок...». Представляется, что обе эти проблемы являются частями одной общей проблемы, вытекающей из автономности систем ИИ. Делегирование системам ИИ возможности принятия решений напрямую зависит от того, разрешен ли вопрос с непрозрачностью и неподотчетностью соответствующих систем ИИ. Без предварительного решения данных вопросов не следует предусматривать механизм делегирования системам ИИ принятия решений, порождающих правовые последствия. В противном случае у субъектов соответствующих правоотношений не будет возможности оценить обоснованность и справедливость принятых системой ИИ решений и тем самым *de facto* они лишатся права на их обжалование. Между тем за этой тайной принятия

решений могут скрываться высокие риски нарушения прав человека. В-третьих, идентификация систем ИИ не совсем обоснованно поставлена в один ряд с перечисленными в ней фундаментальными проблемами правового регулирования, поскольку идентификация систем ИИ сама по себе не является сложной и комплексной проблемой. Она решается достаточно легко посредством информирования лиц, взаимодействующих с системой ИИ.

Следующей важной особенностью подхода, отраженного в Концепции ИИ, является выделение общеотраслевых и отраслевых задач, требующих своего разрешения через принятие нормативных правовых актов. К общеотраслевым вопросам в сфере регулирования использования технологий ИИ и робототехники Концепция ИИ относит упрощенное внедрение конкретных продуктов в оборот; возложение юридической ответственности; совершенствование режима оборота данных; совершенствование режима экспорта; развитие страховых институтов; использование гибкого подхода к терминологиям; обеспечение безопасности; разработка актов на международном уровне; применение систем ИИ при принятии юридически значимых решений; квалификация систем ИИ и робототехники в качестве товара (работы, услуги); развитие технического регулирования; охрана прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Представляется, что общеотраслевые задачи должны быть направлены на разрешение указанных в концепции проблем и соответственно коррелировать с ними. Однако сопоставление проблем и задач показывает, что не в полной мере выстроена логическая связь между этими двумя существенными блоками Концепции ИИ. Во-первых, в группе общеотраслевых задачах отсутствуют какие-либо меры, направленные на разрешение проблем прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ. Между тем именно от решения этой проблемы значительно зависит дальнейшее внедрение и масштабирование

систем ИИ в общественном пространстве. Во-вторых, нет также в Концепции ИИ задач, посвященных такой проблеме, как определение предмета и границ регулирования общественных отношений в сфере применения систем ИИ. В-третьих, некоторые задачи (упрощенное внедрение конкретных продуктов в оборот; совершенствование режима экспорта; разработка актов на международном уровне и т.п.) с концептуальной точки зрения не связаны напрямую с проблемами правового регулирования, указанными в акте. Данные задачи сами по себе являются, безусловно, актуальными и необходимыми, но вместе с тем при составлении концептуального документа федерального уровня необходимо устанавливать логическую связь между указанными в ней проблемами и перечисленными задачами.

В качестве отраслевых направлений совершенствования регулирования Концепция ИИ предусматривает внесение изменений в законодательство в сфере охраны здоровья граждан, государственного (муниципального) управления, транспорта, градостроительства, финансов, космической деятельности, промышленности и некоторых иных. Следует отметить, что Концепция ИИ справедливо уделила внимание и отраслевому регулированию. В условиях стремительного и постоянного развития технологий не всегда целесообразно регулировать общественные отношения посредством универсальных сквозных подходов. Регламентация общественных отношений в зависимости от областей применения систем ИИ позволяет учитывать специфику как отдельных сфер, так и конкретных технологических продуктов.

Краткие выводы:

а. 1. ЕС находится на пути принятия единого сквозного нормативного акта, который будет комплексно регулировать общественные отношения в сфере применения систем ИИ. Нормативное регулирование предлагается осуществлять на основн

риск-ориентированного подхода. Данный подход фактически является человеко-центричным, основным критерием регулирования выступает степень потенциальной угрозы, которую несет система ИИ правам человека. Положительная сторона такой системы регулирования заключается в том, что она не ограничена какой-то одной сферой и в целом будет направлена на охрану и защиту прав и свобод граждан вне зависимости от области применения систем ИИ. Однако из этого проистекает и отрицательная сторона, связанная с тем, что чрезмерное количество нормативных требований к субъектам, участвующим в разработке, распространении и использовании систем ИИ, может существенно затормозить развитие самой отрасли, что в конечном итоге, как минимум в экономическом плане, негативно отразится на качестве жизни граждан.

б. 2. В США как на федеральном, так и на уровне штатов отсутствуют сквозные законы, формирующие единый правовой подход к регулированию рассматриваемой области. Представляется, что это сознательная правовая политика государства, которая базируется на принципе регулирования «ad hoc» и предполагает регламентацию общественных отношений по мере их естественного развития. Именно поэтому действующие в США нормативные правовые акты имеют разнонаправленный характер и не являются едиными со смысловой точки зрения. Нормативное регулирование не является комплексным и затрагивает отдельные сферы (например, транспорт и медицину) либо узкие вопросы (например, дискриминация при найме на работу), связанные с разработкой и эксплуатацией систем ИИ. Данный подход прежде всего выгоден с экономической точки зрения, поскольку не предполагает создания массивного механизма правового регулирования. Вместе с тем существует риск и того, что прежде, чем в США сформируется достаточная нормативная база для регламентации данной сферы, произойдет значительное количество инцидентов в области

взаимодействия человека с системами ИИ.

с. 3. В КНР правовое регулирование основывается на принятом «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения», которым определены ключевые цели и принципы развития данной сферы общественных отношений. Данная концепция представляет общую модель будущего правового регулирования, соответственно ее необходимо рассматривать в комплексе с другими нормативными правовыми актами. С одной стороны, в КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем ИИ, инновации значительно активней внедряются в общественное пространство, чем в ЕС и США, за счет централизованного регулирования, но с другой – фактическая их реализация возложена в большей степени на частные компании и местные органы, а государство сохраняет широкие возможности по контролю.

d. 4. В РФ действует Концепция ИИ, которая основывается на выделении общеотраслевых и отраслевых задач правового регулирования. В документе недостаточно четко выстроена связь между сквозными правовыми проблемами, вызванными автономностью систем ИИ, и общеотраслевыми задачами, которые должны быть направлены на разрешение соответствующих проблем. Общеотраслевые задачи охватывают не все фундаментальные проблемы в сфере ИИ, в частности, среди них отсутствуют положения, посвященные разрешению проблемы прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ.

e. 5. Рассмотренные концепции позволили выделить ряд фундаментальных проблем, связанных с применением систем ИИ в общественном пространстве. Во-первых, необходимо разрешить вопрос возможности делегирования принятия решений системам ИИ. Во-вторых, обязательным условием ввода в эксплуатацию систем ИИ является обеспечение прозрачности и подотчётности их функционирования. В-третьих, нуждается в совершенствовании институт юридической ответственности в части установления субъекта ответственности за

причинение вреда третьим лицам.

Глава 2. Фундаментальные проблемы и прикладные задачи правового регулирования в сфере функционирования искусственного интеллекта

§1. Искусственный интеллект и правосубъектность: целесообразность делегирования принятия решений

Развитие уровня автономности современных технических средств обусловило постановку вопроса о возможности возникновения у последних признаков субъектов или квазисубъектов общественных отношений. При таких обстоятельствах актуальным является исследование перспектив наделения систем ИИ правосубъектностью. Однако, прежде чем перейти к непосредственному выполнению поставленной задачи, необходимо раскрыть общую методологию наделения объектов правосубъектностью. Это позволит определить условия, наличие которых имеет существенное значение для признания тех или иных объектов носителями прав и обязанностей. Достижение указанной цели, в свою очередь, будет способствовать выявлению значимых факторов, релевантных для рассмотрения возможности и целесообразности наделения систем ИИ правосубъектностью.

Из истории юридической науки и практики известно множество случаев наделения различных объектов материального и нематериального мира правосубъектностью. Среди них не только привычные коммерческие предприятия и публичные образования, но и такие оригинальные сущности, как реки, корабли и даже священные тексты. В то же время имеющееся многообразие видов субъектов права не должно вводить нас в заблуждение относительно различной природы их возникновения. В сущности, все известные субъекты права могут быть разделены на две группы: к первой относится человек, как физическое лицо, а ко второй –

все остальные искусственно образованные лица (любые виды юридических лиц).

На нынешнем этапе развития цивилизации каждый человек обладает правосубъектностью, что является очевидным фактом. Причиной возникновения у людей правосубъектности принято считать либо биологические, либо метафизические представления о человеке.

При первом случае тот или иной объект должен удовлетворять ряду признаков биологического характера. Например, по мнению В. Курки, в современной западной правовой системе физическое лицо, являющееся субъектом права, это рожденный, живой и разумный человек. С этой точки зрения субъектность у сущности возникает вследствие наличия у него ряда биологических признаков. При таком подходе проблематично сформулировать исчерпывающий перечень необходимых признаков, позволяющих выделить человека из массы других сущностей, также обладающих биологической природой. В частности, определенные виды животных в некоторой степени наделены разумом и сознанием, в то время как младенцы нет. Однако из этого не следует, что, к примеру, взрослый шимпанзе обладает правосубъектностью, а новорожденный человек нет. Такая же аргументация касается людей, неспособных понимать значение своих действий вследствие психических расстройств.

Второй случай, предполагающий, что в основе правосубъектности человека лежат метафизические причины, достаточно содержательно описан швейцарским ученым Ф. Дюкором, которым утверждается, что «человек наделен правосубъектностью более века вне зависимости от возраста, физических и интеллектуальных особенностей или каких-либо иных характеристик. Наличие статуса человека само по себе достаточное для этого основание». Данный подход нашел широкое признание как в теории, так и на практике. В частности, статьями 1 и 6 Всеобщей декларации прав человека установлено, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Каждый человек,

где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». С этой точки зрения каждый человек является субъектом права не в силу наличия у него тех или иных качеств физического или биологического свойства, а в результате того, что естественные причины обусловили то, что человек априори признается субъектом права. Если исходить из такого понимания правосубъектности, пишет Н. Наффин, то «права естественны для человека; они являются юридическим выражением врожденных свойств субъекта, который имеет свою собственную неотъемлемую природу».

Известное человечеству право является по своей природе антропоцентричным. Логично, что человек, который создал право и для которого оно и существует, наделил себя безусловной правосубъектностью. Следовательно, искать у человека определенный набор объективных характеристик в целях проведения параллелей с качествами, свойственными тем или иным искусственным сущностям, является нецелесообразным.

Как упоминалось выше, ко второй группе субъектов права относятся все искусственно образованные лица, являющиеся, по сути, юридическими фикциями. Их правосубъектность является следствием того, что они, будучи участниками правоотношений, служат различным интересам общества. К примеру, правосубъектность у коммерческих предприятий обусловлена тем, что это позволяет, в частности, уменьшать предпринимательский риск учредителей за счет самостоятельной ответственности юридического лица по своим обязательствам. Правосубъектность, считает Н. Наффин, «есть не что иное, как формальная способность обладать правами и быть участником правоотношений, которая приписывается тем или иным объектам, в свою очередь, вследствие воли законодателя». Аналогичной точки зрения придерживается Д. Охлин, который утверждает, что в соответствии с концепцией «чистого права» правосубъектность можно приписать любому

объекту и источником этого всегда будут являться нормативные правовые акты. Близка к такому подходу распространенная как в отечественной, так и в зарубежной литературе позиция, согласно которой в рамках правового прагматизма допустимо рассматривать вопрос наделения определенной правосубъектностью любых объектов, в том числе роботов, если на то возникнет практическая необходимость.

Представляется, что именно соображениями правового прагматизма руководствовались в Европейском союзе при принятии Резолюции Европейского парламента «Нормы гражданского права о робототехнике» в 2017 году, в которой рекомендовалось Европейской комиссии рассмотреть возможность в долгосрочной перспективе наделения систем ИИ особым правовым статусом. По крайней мере для того, чтобы наиболее автономным техническим средствам можно было бы присвоить статус электронных лиц, которые несли бы ответственность за причинение вреда в случаях, когда системы ИИ самостоятельно принимают решения или иным образом автономно взаимодействуют с третьими лицами. От этой позиции отличается подход, изложенный в отчете «Ответственность за искусственный интеллект и другие развивающиеся цифровые технологии», подготовленный экспертами для Европейской комиссии. Они пришли к выводу, что необходимость в наделении систем ИИ правосубъектностью отсутствует. Свой вывод эксперты обосновывали тем, что несмотря на возможность передачи определенных финансовых средств системам ИИ, конечным носителем ответственности все равно выступает физическое или юридическое лицо. Вместе с тем экспертами не отрицалась возможность самостоятельного принятия решений системам ИИ в рамках корпоративных отношений.

Предложение Европейского парламента о наделении систем ИИ статусом электронного лица вызвало активную дискуссию в профессиональном сообществе, в частности, группа заинтересованных лиц обратилась с открытым письмом в адрес Европейской комиссии.

Авторами письма указывалось, что необходимость наделения систем ИИ статусом электронного лица, который по своей природе может быть автономен и непредсказуем, основывается на неверном тезисе о невозможности установления ответственного лица за причинение вреда при соответствующих инцидентах. Коллективом были приведены три аргумента против: а) системы ИИ невозможно наделить правовым статусом в порядке, в котором правосубъектность возникает у человека, в противном случае ИИ также будет обладать правом на достоинство и на неприкосновенность; б) на системы ИИ нельзя распространить концепцию юридических лиц, поскольку за ними всегда стоят физические лица; в) также не может быть применен институт доверительного управления, в связи с тем, что и в рамках него предполагается наличие физического лица, т.е. это не решит проблему ответственности.

Исходя из более актуальных документов, принятых по вопросам регулирования общественных отношений в сфере ИИ, следует сказать, что Европейский союз отказался от наделения статусом электронного лица ИИ. Так, в правовой концепции, изложенной в проекте Регламента АИА, отсутствуют какие-либо упоминания о присвоении системам ИИ того или иного правового статуса. Кроме того, в Резолюции Европейского парламента от 2020 года с рекомендациями Европейской комиссии по режиму гражданской ответственности за действия искусственного интеллекта (2020/2014 (INL)) предлагаются подходы к определению ответственных лиц при причинении вреда системами ИИ третьим лицам, которые не предполагают наделения систем ИИ правосубъектностью того или иного вида.

Вместе с тем ряд ученых считают отрицательную позицию Европейского союза по рассматриваемому вопросу чрезмерно категоричной. Так, авторы исследования «Искусственный интеллект и гражданская ответственность. Правовые аспекты», проведенного по заказу Комитета по правовым вопросам Европейского парламента, не

поддерживают полный отказ от правосубъектности систем ИИ. Приводится мнение, что с учетом степени развития технологий в подавляющем большинстве случаев, очевидным образом, применение концепции электронного лица является нецелесообразным. Однако для некоторых иных случаев ее использование может быть обоснованным и, следовательно, при разработке политики следует изучить и потенциальную пользу от присвоения системам ИИ правового статуса. Авторы приходят к выводу, что использование функционального критерия может позволить законодателю принять решение о предоставлении системам ИИ особой формы правосубъектности. Фактически под термином функциональные критерии в исследовании понимается практическая целесообразность.

Мы полагаем, что разрешение вопроса о наделении систем ИИ правосубъектностью не следует осуществлять основываясь на формально-юридическом подходе, поскольку очевидно, что при желании возможно наделить правовым статусом любой объект материального мира. Решающее значение должно иметь общественное согласие, выраженное в форме нормативного правового акта законодательного органа. Данное согласие, в свою очередь, может быть вызвано общественным запросом или социальной потребностью. Для того, чтобы ответить на вопрос о наличии или отсутствии практической целесообразности в наделении систем ИИ субъективными правами и обязанностями, необходимо рассмотреть функциональные возможности (актуальные и потенциальные) таких технических средств, а также особенности их влияния на общественные отношения.

С точки зрения юридической практики социальная потребность в наделении систем ИИ правосубъектностью может быть обусловлена тем, что действующее законодательство, игнорируя такие ключевые аспекты их природы, как самообучение, высокая степень автономности и, следовательно, способность принятия юридически значимых решений,

ограничивает их потенциал и положительные последствия их интеграции в общественное пространство.

Одним из аргументов, выдвигаемых в научной литературе, в пользу наделения систем ИИ правосубъектностью, является то, что это могло бы решить проблему в сфере авторского права. Имеется в виду неясность в вопросе определения субъекта, которому принадлежит авторское право на произведение, созданное или разработанное системой ИИ. Частичный ответ на эту проблему можно найти в двух судебных решениях, принятых в КНР. В рамках данных судебных разбирательств были разрешены споры относительно авторства на произведения, созданные системой ИИ. Так, В 2018 году юридическая фирма «Feilin» в Пекине разместила на странице своего официального аккаунта в «WeChat» аналитический отчет, созданный программным обеспечением «Wolters Kluwer China Law & Reference». Данное программное обеспечение представляло собой инструмент для поиска правовой информации: охватывало широкий спектр вопросов, включая двуязычное законодательство, судебные дела, часто используемые юридические документы и комментарии. На следующий день один из интернет-пользователей без разрешения опубликовал некоторые части упомянутого отчета на сайте «Baijiah», управляемой компанией «Baidu». «Feilin» подала иск против «Baidu» в Интернет-суд Пекина, утверждая, что Baidu нарушила ее авторское право и право на передачу информации. Ответчик утверждал, что отчет «Feilin» не был оригинальным, а был создан программным обеспечением, а китайский закон об авторском праве защищает только произведения физических лиц, а не контент, созданный алгоритмом.

По сведениям истца, отчет состоял из рисунков и текста, при этом рисунки сначала были созданы с помощью программного обеспечения, а затем изменены и раскрашены вручную сотрудниками компании. Процесс создания был следующим: сотрудники «Feilin» использовали программное обеспечение для поиска решений в соответствии с заданными

самостоятельно критериями, затем изучили результаты поиска и удалили нерелевантные судебные решения. Ответчик ссылался на то, что весь отчет был составлен программным обеспечением и данные, содержащиеся в отчете, не собирались и не исследовались истцом, рисунки также были созданы алгоритмом.

В целях лучшего понимания порядка создания оспариваемого отчета в судебном заседании был проведен своего рода эксперимент. Адвокат истца запустил соответствующее программное обеспечение и задал условия поиска информации (ключевые слова, тему, временной период судебных решений и т.п.), аналогичные тем, которые были введены при составлении оспариваемого отчета. Суд, сравнив полученный таким образом отчет с оригинальным, пришел к выводу о том, что два этих отчета существенно отличаются друг от друга. Несмотря на это суд не стал признавать аналитический отчет истца произведением, поскольку оно не было создано человеком. Таким образом, суд фактически пришел к заключению, что ни разработчик ПО, ни пользователь не могут быть признаны автором отчета. Вместе с тем из этого не следует, что отчет является общественным достоянием и может свободно использоваться третьими лицами. Интернет-суд Пекина указал на то, что определенные права и интересы, связанные с такими отчетами, должны быть предоставлены пользователю программного обеспечения (который заплатил за программу и создал отчет путем ввода ключевых слов), а не разработчику программного обеспечения (который уже получил доход от разработки программы). Обосновывал это суд это тем, что и разработчики, и пользователи инвестируют свои ресурсы в создание таких продуктов и для того, чтобы поддерживать их интерес к развитию данной индустрии должны существовать правовые механизмы, защищающие их права и законные интересы.

В 2018 году сотрудники компании «Tencent» при помощи программного обеспечения «Dreamwriter» (ассистент, работающий на

основе ИИ) составили и опубликовали финансовый отчет, содержащий обзор фондового рынка. Компания «Shanghai Yingxun» сделала полную копию статьи в день публикации и без разрешения «Tencent» опубликовала ее на своем сайте. После этого «Tencent» подала в суд на «Shanghai Yingxun», заявив, что статья, о которой идет речь, была создана соответствующим программным обеспечением для самой компании. Поэтому «Tencent» следует считать автором соответствующей статьи и авторские права на статью принадлежат ей. Соответственно несанкционированное воспроизведение «Shanghai Yingxun» нарушило авторские права «Tencent». В суде сторона истца требовала обязать ответчика прекратить нарушение авторских прав и компенсировать понесенные экономические потери.

Суд в решении указал на то, что оспариваемая статья, созданная «Dreamwriter», является оригинальной и представляет собой произведение в соответствии с законодательством об авторском праве. Несанкционированное распространение компанией «Shanghai Yingxun» данной статьи через свой сайт является нарушением авторских прав. Суд постановил, что при определении того, является ли поведение соответствующего лица творческим актом в соответствии с законодательством об авторском праве, следует рассмотреть, является ли данный акт интеллектуальной деятельностью и существует ли прямая связь между данным актом и конкретным выражением произведения. Судом также было установлено, что определение и ввод конкретного набора данных, установка триггеров, выбор шаблона и языка творческой группой «Dreamwriter» при составлении финансового отчета является интеллектуальной деятельностью и, следовательно, непосредственно повлияло на полученное произведение. Кроме того, суд определил, что рассматриваемая статья является произведением юридического лица, созданным основной творческой группой. Таким образом, суд подтвердил, что статья охраняется законом об авторском праве и обязал ответчика

выплатить истцу компенсацию.

Представляется, что примененные в данных решениях подходы убедительно показывают то, что авторское право на произведения, созданные ИИ, должно оцениваться по степени вмешательства человека в этот процесс. Если степень вмешательства человека высока, то система ИИ является лишь инструментом для его творческой деятельности и все творческие достижения, по сути, являются следствием усилий самого человека и должны охраняться авторским правом. Таким образом, авторское право должно принадлежать тому лицу, который принял большее участие (физическому лицу, юридическому лицу или иной организации). Напротив, если степень вмешательства человека низкая или вмешательство человека отсутствует, творческие достижения систем ИИ не воплощают человеческую деятельность, а предоставление правовой охраны противоречит цели системы авторского права – поощрение интеллектуального творчества и содействие распространению интеллектуальных творческих достижений. Однако с учетом того, что в любом случае создание и эксплуатация программного обеспечения требует больших усилий со стороны человека, то в целях стимулирования интереса у разработчиков и пользователей результаты деятельности систем ИИ должны так или иначе принадлежать привычным физическим или юридическим лицам. С этой точки зрения в рамках данного вопроса в настоящее время не усматривается наличие объективных причин для наделения ИИ какой-либо правосубъектностью.

Еще одним фактором, влияющим на перспективу наделения систем ИИ правосубъектностью, является проблема установления субъекта юридической ответственности за вред, причиненный системами ИИ третьим лицам. Однако, как будет показано в третьем параграфе настоящей Главы, традиционные подходы к определению субъектов юридической ответственности, существующие в гражданском праве, являются достаточными для преодоления возникающих в этой связи

правовых проблем. Иными словами, в настоящее время нет необходимости присваивать какой-либо правовой статус системам ИИ, если перед законодателем стоит задача разрешить таким способом вопрос об установлении субъекта юридической ответственности.

Следующим важным аспектом в рассматриваемой теме являются правовые основы человеко-машинной кооперации и механизмы делегирования системам ИИ принятия юридически значимых решений. Представляется, что наличие правовых возможностей такого делегирования могло бы существенно повысить эффективность применения систем ИИ в гражданском обороте и, следовательно, привлекательность для потенциальных пользователей. Рассмотрим ряд исследований, в рамках которых предложены различные концепции наделения систем ИИ правосубъектностью того или иного вида.

В своей работе ученые С. Чопра и Л. Уайт предлагают рассматривать системы ИИ через призму двух видов правосубъектности: зависимой и независимой. По их мнению, до тех пор, пока системы ИИ не достигнут очень высокой (необозримой в ближайшем будущем) степени автономности, им может быть предоставлен только первый вид правосубъектности.

В рамках зависимой правосубъектности, при осуществлении своих законных прав, с точки зрения авторов, зависимый субъект права может действовать только в интересах другого субъекта права. Такая зависимая правосубъектность имеет сходства с агентскими отношениями, поскольку оператор/владелец (принципал) системы ИИ (агент) юридически связан решениями, которые последняя принимает. В качестве примера практической пользы зависимой правосубъектности они называют придание единообразного правового режима договорам, заключаемым с участием систем ИИ – учитывая огромное значение электронной коммерции в современном мире и растущее число совершаемых сделок, такой шаг значительно упорядочил бы взаимодействие участников данных

отношений.

В отличие от зависимого субъекта, независимый субъект права не подлежит никаким ограничениям и считается *sui juris*. Для наделения таким видом правосубъектности ИИ должен удовлетворять следующим условиям: обладать достаточными интеллектуальными способностями и рациональностью, чтобы его можно было назвать *sui juris*; демонстрировать способность понимать и соблюдать налагаемые на него юридические обязательства; проявлять восприимчивость к наказанию для обеспечения соблюдения юридических обязательств; обладать способностью заключать договоры, контролировать денежные средства и владеть имуществом, чтобы использовать свои права в экономической сфере, а также иметь возможность оплачивать штрафы, в том числе гражданские.

Другой ученый, У. Пагало, считает, что уровень автономности, недостаточный для привлечения систем ИИ к уголовной ответственности, достаточен для признания их в договорном праве, поскольку современные технические средства могут отправлять заявки, принимать предложения, запрашивать котировки, заключать и даже исполнять контракты. По его мнению, системы ИИ должны рассматриваться как новый вид агентов в гражданском праве, которые действуют от имени принципала.

Интересным является предложение использовать древнеримский институт пекулий в качестве способа разрешения проблемы установления субъекта ответственности в правоотношениях, связанных с применением систем ИИ. В частности, используя современный аналог пекулия, люди, применяя системы ИИ для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе заключения договоров в интересах владельца, могли бы претендовать на ответственность, ограниченную стоимостью активов их систем ИИ, в то время как обособленное имущество систем ИИ гарантировало бы их контрагентам, что договорные обязательства будут исполнены.

Британский ученый В. Курки в своей монографии, посвященной теории юридической правосубъектности, оценивает возможность наделения ИИ правосубъектностью с точки зрения следующих факторов: имеет ли данная сущность самостоятельную ценность, например, как ребенок; может ли нести ответственность; способна ли покупать, продавать или совершать иные действия коммерческого характера.

Данный автор полагает, что только системы ИИ, имеющие самостоятельную ценность, способность обладать собственным интересом, могут быть пассивными юридическими лицами, то есть иметь правовой статус, сравнимый с положением младенца. Такие системы ИИ могли бы, конечно, также быть наделены активной правосубъектностью при наличии способности заключать договоры или управлять своей собственностью. Если же системы ИИ не имеют собственной ценности, то они могут быть субъектами права только в силу своей способности исполнять юридические обязанности и/или управлять юридическими платформами.

В. Курки выделяет три подхода к оценке правовой природы систем ИИ: ИИ как инструмент, ИИ как агент и ИИ как полноценный субъект права. Первый подход рассматривает ИИ как объект собственности. Например, как программу, используемую для составления договора. Предположим, что из-за ошибки в программировании ИИ пропускает важный пункт в договоре. В парадигме «ИИ как инструмент» владелец может подать в суд на программиста, но договор, скорее всего, будет действителен. С другой стороны, если ИИ рассматривается в качестве агента, то договор может оказаться недействительным, если ИИ функционировала вне рамок доверенных ему принципалом полномочий. Наконец, наделение ИИ полной правосубъектностью означало бы, что он является носителем прав и обязанностей и обладает собственным интересом.

Кроме того, автор выделяет в правосубъектности два важных

аспекта: обособленность и независимость. Одним из примеров обособленности является контролируемая ИИ-корпорация, принадлежащая физическому лицу. Если, например, последняя объявляет себя банкротом, то активы корпорации могут быть использованы для выплаты кредиторам, тогда как кредиторы корпорации не имеют доступа к активам физического лица. Аспект независимости относится к реализации полномочий: независимые юридические лица обычно могут действовать без надзора со стороны других субъектов, в то время как зависимые подлежат такому надзору. В данном контексте действия систем ИИ могут находиться в разной степени зависимости от оператора/собственника.

Стоит также обратить внимание на подход Дж-Е. Ширмера, который предлагает использовать немецкий институт «Teilrechtsfähigkeit», предполагающий наличие у сущности частичной правосубъектности. Концепция опирается на принцип «форма следует функции». Это означает, что закон может создавать лиц и наделять их правами для участия в определенных отношениях. Если, например, человек наделен полной правосубъектностью, то в соответствии с институтом частичной правосубъектности какой-либо субъект может иметь только ограниченное количество правомочий. Система ИИ не является личностью в собственном смысле, но все же может обладать некоторыми юридическими способностями, соответствующими его служебной функции.

Все вышеуказанные юридические концепции, предлагая разные способы наделяния правосубъектностью системы ИИ, по сути, имеют в виду случаи, когда он осуществляет роль агента, представителя интересов владельца. В то время как противники правосубъектности исходят из того, что системы ИИ следует рассматривать как инструмент. Представляется, что оба подхода являются верными и применимыми на практике. Разница лишь в том, какова природа взаимоотношений конкретной системы ИИ с человеком: «системы ИИ как инструмент» или «системы ИИ как агент». В

частности, общественные отношения, существующие в парадигме «системы ИИ как инструмент», будут регулироваться на основе традиционных институтов права. Вместе с тем применение систем ИИ могут порождать качественно другие общественные отношения, в которых системы ИИ будут рассматриваться как агенты, именно в таких случаях актуальна постановка вопроса об их правосубъектности.

Следует согласиться с В. Курки в том, что системы ИИ не могут иметь собственные интересы и в связи с этим всегда действуют в пользу других субъектов. Поэтому системы ИИ можно наделить правосубъектностью только зависимого вида, предложенной в работе С. Чопры и Л. Уайта. Учитывая, что одна из основных потребностей в правосубъектности систем ИИ заключается в необходимости согласования интересов его владельцев со своими контрагентами, представляется возможным использовать отдельные элементы древнеримского института пекулия, описанные У. Пагало, для регулирования соответствующих общественных отношений. Очевидно, что речь идет об отношениях, заведомо ограниченных в соответствии с целями использования систем ИИ их владельцами. Иными словами, системы ИИ осуществляют служебную функцию по отношению к владельцам и действуют в пределах определенной сферы, что также коррелирует с немецкой концепцией частичной правосубъектности, представленной в упомянутой работе Дж.-Е. Ширмера.

Таким образом, системы ИИ могут вступать в отношения только в интересах физического либо юридического лица (в том числе публично-правовых образований). Системы ИИ будут всегда зависимы от указанных субъектов права, разница заключается лишь в том, что если они действуют в пользу физического лица, то данное лицо должно нести ответственность своей личной собственностью. Аналогичное положение касается и юридических лиц, они имеют обособленное имущество, которым будут отвечать за решения, принятые системами ИИ. То есть

системы ИИ, по сути, будут рассматриваться как исполнительный директор, который может принимать юридически значимые решения от имени юридического лица (например, заключать и расторгать сделки).

Использование подхода «системы ИИ как инструмент» предполагает безусловную ответственность владельца за все решения, принимаемые системами ИИ. Однако можно предположить ситуацию, когда в целях максимизации прибыли, основываясь на данных о ситуации на рынках, система ИИ принимает решение продать тот или иной объект вместо сдачи во временное пользование. В соответствии с традиционным подходом «системы ИИ как инструмент» все действия системы ИИ приравниваются к действиям его владельца и таким образом данные действия будут считаться законными. И это несмотря на то, что владелец не планировал и не хотел продавать объект, т.е. система ИИ приняла решение, не соответствующее его интересам. Данный пример является гипотетическим, что не умаляет его реалистичности. Представляется, что действующие правовые условия, при которых непредсказуемые и нежелательные решения систем ИИ влекут юридические последствия для их владельцев, могут существенно снизить интерес со стороны человека к их использованию, несмотря на такие очевидные преимущества, как, например, эффективное управление собственностью, не требующее активного участия со стороны владельца.

Решением описанной проблемы могло бы быть ограничение объема полномочий, которые передаются системам ИИ. Одним из способов ее разрешения является установление специальной процедуры (например, с помощью государственного органа или саморегулируемой организации) присвоения системам ИИ статуса агента, в рамках которой будет происходить регистрация систем ИИ и последующее внесение его в соответствующий открытый реестр. При этом необходимо сформулировать набор полномочий каждой такой системы ИИ, владельцы которых наделяют в соответствии с целью их деятельности и сферой

применения (по аналогии с уставом юридического лица). Сведения о наборе данных правомочий также должны будут вноситься в специальный реестр. Соответственно, необходимо защитить владельцев систем ИИ возможностью признания сделок, выходящих за рамки определенных правомочий, недействительными. Неоднозначным является вопрос относительно оспоримости или ничтожности сделок, выходящих за пределы правомочий систем ИИ. На наш взгляд, на первом этапе их опытной эксплуатации в общественном пространстве необходимо презюмировать такие сделки ничтожными, однако впоследствии возможен пересмотр данного подхода в зависимости от складывающейся фактической и правоприменительной практики.

Краткие выводы:

a. 1. Подход «системы ИИ как агент» предполагает наличие у систем ИИ правосубъектности, ограниченной объемом правомочий, переданных ему физическими, юридическими лицами или публично-правовыми образованиями.

b. 2. В случаях, если системам ИИ не делегируются определенные правомочия, то в отношении их использования применяется подход «системы ИИ как инструмент». В соответствии с данным подходом системы ИИ квалифицируются как обычные объекты права, к которым применяются соответствующие требования законодательства.

c. 3. Со стороны юридической науки и практики в среднесрочной перспективе детальной разработки потребует новый правовой институт, позволяющий делегировать системам ИИ принятие юридически значимых решений.

d. 4. В иных случаях внедрение систем ИИ в общественное пространство создает необходимость в актуализации существующего законодательства лишь с учетом сложности таких программных или программно-аппаратных комплексов.

§2. Прозрачность и подотчетность функционирования искусственного интеллекта

Основными характеристиками систем ИИ, как отмечалось во втором параграфе первой Главы, являются способность воспринимать окружающую среду, анализировать полученную из нее информацию и на этой основе принимать рациональные решения с разной степенью автономности. Одновременно с большим количеством преимуществ, которые получает общество вследствие их использования, они несут и высокую угрозу нарушению прав человека. Функционирование систем ИИ порождают так называемую проблему «черного ящика», суть которой в том, что во отдельных случаях функционирование алгоритмов является непрозрачным и принимаемые ими решения трудно поддаются объяснению, причем даже самими разработчиками.

Использование таких алгоритмов может отрицательно повлиять на ценности, на которых основаны современные демократические правовые государства. Их неконтролируемая разработка и использование могут привести к нарушению конституционных прав человека, включая права на свободу выражения мнения, свободу собраний, человеческое достоинство, запрет дискриминации по признаку пола, расы или этнического происхождения, религии или убеждений, инвалидности, возраста, право на частную жизнь или право на эффективное средство судебной защиты и справедливый суд. Системы ИИ, основанные на таких алгоритмах, постоянно расширяют свои возможности по отслеживанию и анализу повседневных привычек людей. Анализируя большие объемы данных и выявляя связи между ними, алгоритмы могут также использоваться для отслеживания и деанонимизации данных о лицах, создавая новые угрозы для защиты персональных данных. Эти и многие другие риски могут быть результатом недостатков в коде программного обеспечения или использования в ходе обучения некорректных и нерепрезентативных

входных данных (например, если систему ИИ обучить только или преимущественно на данных о мужчинах, то это приведет к неоптимальным результатам в отношении женщин). Алгоритмы могут выполнять многие функции, которые раньше мог делать только человек. В результате граждане и юридические лица все чаще будут сталкиваться с действиями и решениями, принимаемыми алгоритмами или с их помощью. Данная проблема приобретает актуальный для права характер, поскольку принимаемые алгоритмами решения могут иметь юридическое значение или являться основой для принятия человеком решений, порождающих правовые последствия. При таких условиях субъекты соответствующих правоотношений не имеют возможности оценить обоснованность и справедливость принятых алгоритмом решений и тем самым *de facto* лишаются права на их обжалование.

К настоящему времени накоплен достаточный опыт применения алгоритмов и широко известны случаи их отрицательного воздействия на различные конституционные права и свободы человека. Так, в США в некоторых штатах судьи в ходе рассмотрения дел использовали алгоритм, который определял степень риска совершения обвиняемыми повторных преступлений. Независимая проверка алгоритма показала, что он присваивал лицам с темной кожей заведомо более высокую степень риска - почти в два раза - по сравнению с другими. Интересно, что коммерческая организация, которая разработала и применяла данный алгоритм, не пожелала раскрывать информацию относительно логики присваивания программным обеспечением той или иной степени риска. Большой резонанс получил и печальный опыт компании «Cambridge Analytica», которая при помощи алгоритма анализировала данные пользователей «Facebook» и на основании полученных результатов влияла посредством агрессивной таргетированной рекламы на политические предпочтения граждан, в частности, в ходе избирательной кампании по выборам президента США в 2016 году. Все более популярным становится

и так называемое персонализированное ценообразование. Многие интернет-компании используют различные переменные для определения цены на товар или услугу, к примеру, геолокацию покупателя, принадлежность к каким-либо меньшинствам. Можно привести еще один случай, обнаруженный исследователями из Университета Карнеги – Мэллона, которые изучив алгоритм таргетированной рекламы «Google», пришли к выводу, что пользователям интернета мужского пола в шесть раз чаще, чем женского пола, показывали рекламу высокооплачиваемой работы.

Наднациональные образования и отдельные государства проявляют высокую озабоченность в отношении вышеобозначенных проблем. К настоящему времени разработаны различные подходы, направленные на преодоление негативных последствий массового использования систем ИИ. В частности, в Европейском союзе предпринимаются активные шаги по выработке политики, направленной одновременно на стимулирование развития отрасли ИИ и соблюдение фундаментальных прав и свобод человека.

Изучение европейского подхода к регулированию функционирования алгоритмов целесообразно начать с анализа GDPR. Указанный нормативный правовой акт в целях объяснения субъекту данных логики принятого в его отношении решения содержит ряд требований в отношении контролеров по раскрытию соответствующей информации. Непосредственно к вопросам прозрачности и подотчетности алгоритмов относятся положения GDPR, в соответствии с которыми контролер, в случаях получения персональных данных от субъекта данных, а также от третьей стороны, должен предоставлять, а субъект вправе получать информацию «о наличии системы автоматизированного принятия решения, включая профилирование, указанное в пункте 1 и 4 статьи 22 GDPR, и по крайней мере в этих случаях, полноценную информацию о логике работы этой системы, а также о значимости и

предполагаемых последствиях такой обработки для субъекта данных» (статьи 13 – 15 GDPR). При этом пункт 1 статьи 22 GDPR устанавливает, что «субъект данных имеет право не быть субъектом такого решения, которое основано исключительно на автоматической обработке, в том числе профилировании, которое в отношении субъекта данных создает правовые последствия, или которые подобным образом существенно воздействуют на субъект данных». Вышеизложенные нормативные положения ученые интерпретируют по-разному.

Одни утверждают, что из соответствующих положений вытекает обязанность контролеров при использовании алгоритмов, принимающих юридически значимые решения, раскрывать субъекту данных полную информацию о логике принятия решения, в том числе техническую, что, по сути, означает раскрытие «черного ящика». Похожая позиция была высказана и Рабочей группой по защите прав человека в сфере обработки персональных данных, функционирующей под эгидой Европейской комиссии. В соответствии с ней из формулировки «решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке» не следует, что, в случае если человек принимает формальное участие, контролер освобождается от обязанности предоставлять соответствующую информацию субъектам персональных данных. Такой подход предполагает расширительное толкование норм GDPR.

Другие исследователи считают, что контролеры не обязаны предоставлять подробную информацию, а должны лишь уведомить субъекта персональных данных (не *ex-post*, а *ex-ante*) о том, как в общих чертах (абстрактно) алгоритм принимает решение. Обоснование такого ограничительного толкования заключается в том, что GDPR не конкретизирует то, какую именно информацию необходимо предоставить субъекту персональных данных. Кроме того, важным аргументом здесь является то, что в статье 22 GDPR имеется уточнение, что положения применяются в случаях, когда система приняла решение исключительно

самостоятельно, т.е. без всякого вмешательства человека. На практике человек часто принимает формальное участие в принятии алгоритмом решения, что позволяет контролеру избегать соблюдения соответствующих положений Регламента. Из опыта имплементации в национальное законодательство данных положений странами-членами Европейского союза следует, что подавляющее большинство государств не стали использовать расширительный подход, лишь небольшая часть стран приняла дополнительные акты, обязывающие предоставлять подробную информацию субъектам данных о функционировании алгоритмов. Представляется, что из буквального прочтения положений GDPR действительно не вытекает наличие у контролеров обязанности раскрывать подробную информацию об алгоритме. К настоящему времени отсутствуют убедительные данные, свидетельствующие о том, что на практике контролеры передают такие сведения субъектам персональных данных. Следует отметить, что регулирование общественных отношений в сфере функционирования систем ИИ все же не является основной целью GDPR, хоть и защита персональных данных граждан затрагивает некоторые аспекты применения автоматизированных систем принятия решений. С этой точки зрения GDPR является не тем актом, который должен полноценно регулировать вопросы прозрачности и подотчетности алгоритмов.

Правовое разрешение рассматриваемая проблема найдет в отдельном нормативном правовом акте, над разработкой и принятием которого в последние годы в ЕС ведется активная работа. В частности, этому свидетельствует обширное количество научных исследований прикладного характера, проведенных под эгидой органов Европейского союза и Совета Европы. В одной из таких работ отмечается, что достижение прозрачности и подотчетности и алгоритмов предполагает соблюдение следующих условий:

- — цели и задачи алгоритма являются понятными;

- – раскрывается источник данных алгоритма, методология их обработки и проверки на предмет непредвзятости и репрезентативности;
- – имеется доступ к отдельным сведениям о коде и порядке работы алгоритма;
- – производители или операторы предоставляют доступ к информации об опыте эксплуатации алгоритма;
- – проводятся регулярные проверки алгоритма самими операторами, результаты которых могут быть изучены компетентными органами;
- – раскрываются сведения о наличии субъектов, в интересах которых используется алгоритм;
- – пользователям предоставляется информация о том, какие именно персональные данные и в каком объеме использует алгоритм.

При этом авторы утверждают, что прозрачность может иметь отношение либо в целом к системе, либо к принятию отдельных решений. Они приходят к выводу, что требовать открытости всего алгоритма нецелесообразно, поскольку это очень ресурсоемкий процесс и не ведет к значимому объяснению логики принятых решений. Авторы настаивают на том, что более разумным способом является установление мер, направленных на раскрытие сведений о логике принятия индивидуальных решений. В качестве таких мер предлагается анализ входных данных, статистическое объяснение, проверка кода, определение значимости отдельных данных (какие именно переменные определяют результат).

Рассмотрим далее Белую книгу «Искусственный интеллект – европейский подход к доверию и качеству», подготовленный в 2020 году Европейской комиссией. В нем представлены меры политического и правового характера, направленные на создание условий, необходимых для развития ИИ в Европе. Европейская комиссия подготовила данный

документ в целях последующего открытого обсуждения своего видения регулирования сферы ИИ со всеми заинтересованными сторонами. Предлагаемые в документе меры по обеспечению алгоритмической прозрачности и подотчетности были объединены в следующие тематические блоки: наборы данных, используемые для обучения; протоколирование важной информации; предоставление сведений; устойчивость и точность; надзор со стороны человека. Так, алгоритмы необходимо обучать на наборах данных, которые являются достаточно репрезентативными, чтобы не допускать дискриминации граждан по различным незаконным основаниям. Должны вестись точные записи о наборе данных, используемых для обучения и тестирования алгоритма, включая описание основных характеристик, в том числе методологии выбора набора данных. Кроме того, необходимо обеспечить предоставление конкретной информации о возможностях и ограничениях алгоритмов. В частности, о цели, для которой они предназначены, условиях, при которых можно ожидать, что они будут функционировать по назначению, граждане должны быть информированы о том, что взаимодействуют с системами ИИ, а не с человеком.

Также в указанном документе отмечается, что для обеспечения устойчивости и точности системы ИИ должны быть спроектированы так, чтобы эффективно справляться с ошибками и угрозами на всех этапах эксплуатации, в том числе с кибератаками. Одновременно с этим следует предусмотреть исчерпывающие меры по контролю за функционированием систем ИИ со стороны человека. В частности, принятые системами ИИ решения могут вступать в силу только после предварительного рассмотрения и подтверждения человеком (например, отклонение заявления на получение пособия по социальному обеспечению может быть принято только человеком); принятое системой ИИ решение вступает в силу немедленно, но после этого обеспечивается вмешательство человека (например, отклонение заявления на получение кредитной карты может

быть обработано системой ИИ, но после этого должна быть возможность рассмотрения человеком). Мониторинг системы ИИ во время работы и возможность вмешательства в режиме реального времени и деактивации (например, в автомобиле без водителя предусмотрена кнопка или процедура остановки, когда человек определяет, что управление автомобилем небезопасно). На этапе проектирования, путем возложения эксплуатационных ограничений на алгоритм (например, автомобиль без водителя должен прекратить работу в условиях плохой видимости, если датчики стали менее надежными, или должен поддерживать определенную скорость и/или дистанцию от других транспортных средств).

Вышеперечисленные и многие другие требования нашли свое отражение в проекте Регламента АИА. Как отмечалось в третьем параграфе первой Главы, данный документ предусматривает регулирование общественных отношений, связанных с разработкой и эксплуатацией только тех систем ИИ, которые относятся к высокорисковым. Следовательно, приводимые нами ниже нормативные положения из проекта Регламента АИА будут распространяться только на системы ИИ, создающие повышенный риск здоровью и безопасности человека.

Из проекта Регламента АИА следует, что обучение, проверка и тестирование наборов данных должны входить в предмет контроля соответствующих компетентных органов. Такой контроль должен распространяться, в частности, на проектирование, сбор данных, их подготовку для дальнейшей обработки, формулирование предположений в отношении информации, которую системы ИИ должны оценить; определение степени доступности, количества и релевантности наборов необходимых данных; выявление факторов, ведущих к необъективности (предвзятости) систем ИИ; поиск любых возможных пробелов или недостатков в данных, а также способов их преодоления (статья 10). Техническая документация для высокорисковых систем ИИ должна быть

разработана до выхода этой системы на рынок или ввода ее в эксплуатацию и являться актуальной (статья 11). Системы ИИ должны проектироваться и разрабатываться таким образом, чтобы осуществлялась автоматическая регистрация событий в реестр при его использовании (статья 12). Такая регистрация должна обеспечивать отслеживание функционирования систем ИИ на протяжении всего его жизненного цикла, который соответствует назначению системы. Данные системы должны проектироваться и разрабатываться таким образом, чтобы обеспечивалась достаточная прозрачность их функционирования, позволяющая пользователям понимать результаты работы систем ИИ (статья 13). Также к системе ИИ должна прилагаться инструкция, содержащая следующую информацию: личность и контактные данные поставщика (представителя); характеристики, возможности и ограничения работоспособности систем ИИ (ее предполагаемое назначение; уровень устойчивости, надежности и кибербезопасности и т.п.); развитие функциональных характеристик систем ИИ, если они были предварительно определены поставщиком в момент прохождения проверки; принятые меры контроля со стороны человека, в том числе связанные с упрощением объяснимости результатов работы систем ИИ пользователям; ожидаемый срок службы систем ИИ и необходимые меры по их техническому обслуживанию.

Меры по надзору со стороны человека (статья 14) должны позволить проверяющим лицам: полностью понимать возможности и ограничения систем ИИ и быть в состоянии должным образом контролировать их работу, с тем чтобы признаки аномалий, дисфункций и непредвиденной работы могли быть оперативно обнаружены и устранены; учитывать свойственную человеку тенденцию чрезмерно полагаться на результаты работы систем ИИ, в частности, для систем ИИ, используемых для предоставления информации или рекомендаций для принятия решений физическими лицами; правильно понимать результаты работы систем ИИ,

принимая во внимание, в частности, характеристики системы и имеющиеся средства и методы интерпретации; иметь возможность в любой конкретной ситуации принять решение не использовать системы ИИ или отменить результаты; иметь возможность вмешаться в работу системы ИИ с помощью кнопки «стоп» или аналогичной экстренной процедуры.

В проекте Регламента АИА особо указаны обязательства поставщиков по обеспечению прозрачности для определенных систем ИИ (статья 52). Поставщики должны обеспечить, чтобы системы ИИ, предназначенный для взаимодействия с физическими лицами, был спроектирован и разработан таким образом, чтобы лица были информированы о том, что они взаимодействуют с ИИ, если это не очевидно из обстоятельств и контекста использования. Это обязательство не распространяется на системы ИИ, уполномоченные законом выявлять, предотвращать и расследовать уголовные преступления, если только эти системы не предоставляют общественности возможность сообщить об уголовном преступлении. Пользователи системы распознавания эмоций или биометрической идентификации должны информировать о работе системы физических лиц, подвергающихся ее воздействию. Это обязательство не распространяется на системы ИИ, используемые для биометрической категоризации, которые разрешены законом для обнаружения, предотвращения и расследования уголовных преступлений. Пользователи систем ИИ, которые генерируют изображения, аудио- или видеоконтент, имеющий сходства с настоящими людьми, местами, событиями и т.п. (дипфейк), должны указывать, что контент создан системой ИИ.

Национальные компетентные органы, отвечающие за применение положений проекта Регламента АИА, должны соблюдать конфиденциальность информации и данных, полученных при выполнении своих задач и деятельности. В частности, нельзя нарушать права

интеллектуальной собственности и конфиденциальной деловой информации или коммерческой тайны физического или юридического лица, включая исходный код, за исключением случаев, указанных в статье 5 Директивы ЕС 2016/943 о защите нераскрытых ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от их незаконного приобретения, использования и раскрытия.

Несмотря на то, что действующие на уровне Европейского союза нормативные положения все еще не регулируют исчерпывающим образом общественные отношения в сфере ИИ, наблюдается тенденция поиска сбалансированной правовой модели, которая будет содержать все необходимые юридические требования к контролерам и предоставлять достаточный перечень правовых средств защиты субъектам персональных данных, т.е. лицам, в отношении которых системы ИИ будут принимать юридически значимые решения. Для европейского подхода характерна нацеленность на раскрытие информации относительно функционирования систем ИИ с тем, чтобы субъекты имели полноценную возможность получить исчерпывающее обоснование принятого в их отношении решения. Вместе с тем данный подход не обязательно ведет к раскрытию «черного ящика», он базируется на тезисе, что в случае реальной необходимости и целесообразности, в отсутствие альтернативных способов объяснения логики принятия решений, возможно установление требований по раскрытию технических особенностей/кода соответствующего программного обеспечения.

Регулирование применения систем ИИ в части обеспечения алгоритмической прозрачности и подотчетности в **Соединенных Штатах Америки** существенно отличается от европейского подхода. Так, GDPR затрагивает использование автоматизированных систем принятия решений в разных сферах, поскольку содержащиеся в нем нормы имеют сквозной характер. В США, напротив, оборот персональных данных регламентируется концептуально иным образом. В Европе применяется

известное правило «все, что прямо не разрешено, то запрещено», в то время как в США руководствуются принципом «все, что прямо не запрещено, разрешено». Как следствие, в США отсутствует комплексный закон, который регламентировал бы алгоритмическую прозрачность и подотчетность в контексте оборота персональных данных.

В 2019 году была предпринята попытка на федеральном уровне урегулировать данные общественные отношения специальным законом, в Конгресс США был внесен проект закона «Об алгоритмической подотчетности». Проект не был принят, вместе с тем содержащиеся в нем меры вызывают интерес, в частности, в нем предусматривалась обязанность ряда лиц, использующих в своей деятельности системы автоматизированного принятия решений, проводить оценку их воздействия в ходе ее разработки и использования, в том числе данные о проектировании и обучении на предмет точности, справедливости, непредвзятости, недискриминационности, конфиденциальности и безопасности. Кроме того, в контролирующий орган необходимо было бы предоставлять подробное описание системы автоматизированного принятия решений, ее конструкции, предназначения, а также сведения о методах обучения алгоритма и соответствующих наборах данных.

Из действующих нормативных правовых актов непосредственное отношение к прозрачности и подотчетности функционирования ИИ имеет Указ Президента США «Искусственный интеллект в деятельности федеральных государственных органов: обеспечение доверия», который был издан в 2020 году. Документом установлены принципы, которые федеральные государственные органы должны соблюдать при использовании систем ИИ в своей деятельности. В отношении алгоритмической прозрачности и подотчетности акт содержит нормативные положения, из которых следует, что государственные органы должны обеспечить:

- – безопасность, надежность и устойчивость применяемых

в работе систем ИИ, включая устойчивость от попыток злонамеренного вмешательства в функционирование данных систем со стороны третьих лиц;

- – условия, при которых эксплуатация и результаты деятельности используемых ими систем ИИ являются достаточно понятными профильным экспертам, пользователям и другим заинтересованным лицам;

- – документирование сведений о разработке, приобретении, эксплуатации систем ИИ (по мере необходимости и возможности);

- – доступность информации об использовании систем ИИ для соответствующих заинтересованных лиц, включая Конгресс и общественность - в той мере, в какой это возможно на практике, а также с учетом других применимых нормативных правовых актов. Имеется в виду необходимость соблюдения неприкосновенности частной жизни граждан, конфиденциальности информации правоохранительных органов, а также других видов информации, охраняемых законом.

Большой вклад в смягчение отрицательного влияния систем ИИ на состояние прав человека в США вносят отдельные положения различных законов антидискриминационной направленности. Для регулирования общественных отношений, связанных с использованием систем ИИ, может быть применен Закон «О справедливой кредитной отчетности» (Fair Credit Reporting Act); Закон «О равных кредитных возможностях» (Equal Credit Opportunity Act); Закон «Об американцах с ограниченными возможностями» (the Americans with Disabilities Act); Закон «О возрастной дискриминации в сфере занятости» (the Age Discrimination in Employment Act); Закон «О справедливом жилье» (Fair Housing Act); Закон «О недискриминации по генетической информации» (Genetic Information Nondiscrimination Act); Закон «О Федеральной комиссии по торговле» (the Federal Trade Commission Act).

Так, согласно Закону «О справедливой кредитной отчетности», если гражданину отказано в приеме на работу на основании данных о его биографии или иных сведений, содержащих различную информацию о потребителе, то он вправе потребовать от стороны, принявшей такое решение, предоставить ему уведомление о неблагоприятном воздействии. В данном уведомлении указываются основания, которые предопределили принятие соответствующего решения. Если компания установила нецелесообразность принятия конкретного человека на работу при помощи систем ИИ, то положения упомянутого закона могут применяться и для обеспечения прозрачности и подотчетности алгоритмов. Аналогичные положения содержатся и в Законе «О равных кредитных возможностях», из которых следует, что кредитор в специальном уведомлении заявителя на получение кредита обязан указывать факторы, ведущие к отказу в его выдаче и иным негативным последствиям. Следует также отметить, что вышеуказанные законы запрещают дискриминацию граждан на основании находящихся под защитой признаков, например расы, цвета кожи, пола, религии, возраста, статуса инвалидности, национального происхождения, семейного положение и генетических данных.

От вышеуказанных законов отличается Раздел 5 Закона «О Федеральной комиссии по торговле», действие которого не ограничивается определенными сферами, его положения в целом применимы к большинству случаев, возникающих в связи с осуществлением торговли. Так, Федеральная комиссия по торговле опубликовала разъяснение ряда вопросов, связанных с необходимостью обеспечения прозрачности и подотчетности систем ИИ. В частности, ФКТ на своем официальном сайте обращает внимание компаний на то, что если они собирают и продают информацию о потребителях, которая используется для решения вопроса о кредите, трудоустройстве, страховании, жилье или других подобных решений, компания

действительно может подпадать под действие антидискриминационных законов. Из этого следует, среди прочего, обязанность предусмотреть разумные процедуры для обеспечения максимально возможной точности потребительских отчетов и предоставить потребителям доступ к собственной информации, а также возможность исправить любые ошибки. Так, компания «RealPage», которая использовала системы ИИ для сопоставления сведений о кандидатах для сдачи в аренду жилья с их данными о судимостях, заплатила штраф в размере 3 миллионов долларов США за нарушение Закона «О справедливой кредитной отчетности», поскольку не предприняла разумных мер для обеспечения точности информации, которую она предоставляла арендодателям и управляющим недвижимостью.

В отличие от федерального законодательства на уровне штатов можно заметить многочисленные попытки законодательных органов власти регламентировать специальными актами вопросы прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ. Например, в 2021 году в штате Колорадо принят закон, который запрещает страховым компаниям использовать любые алгоритмы или прогнозные модели, позволяющие анализировать сведения о потребителях, в случаях, если это ведет к дискриминации по признаку расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, религии, пола, сексуальной ориентации, инвалидности, гендерной идентичности. В то же время в штате Калифорния был отклонен проект закона, который содержал понятие системы автоматизированного принятия решений (вычислительный процесс, в том числе основанный на машинном обучении, статистике или других методах обработки данных, который способен принимать решения самостоятельно или помогать в этом человеку). Наряду с этим в акте также предлагалось ввести в законодательство термин «оценка воздействия автоматизированной системы принятия решений», что означало исследование, оценивающее процесс разработки такой системы,

включая данные о ее проектировании и обучении на предмет точности, справедливости, предвзятости, недискриминационности, конфиденциальности и безопасности. В некоторых других штатах проекты законов, содержащие аналогичные нормативные положения, находятся на стадии рассмотрения: в Нью-Джерси планируется введение запрета дискриминации отдельных категорий населения со стороны автоматизированных систем принятия решений; в Калифорнии обсуждается установление подотчетности автоматизированных систем принятия решений, используемых государственными органами в своей деятельности; в Нью-Йорке и Вашингтоне разрабатывается законодательство в сфере применения систем автоматизированного принятия решений в государственном секторе.

Одним из первых принятых в **Российской Федерации** программных документов, в которых обращается внимание на проблему прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ, является Национальная стратегия развития ИИ. В пункте 8 данного документа справедливо признается то, что отсутствие понимания того, как система ИИ достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям ИИ и может стать препятствием для их развития. Можно сказать, что это обстоятельство является следствием перечисленных в стратегии особенностей машинного обучения: а) для поиска вычислительной системой непредвзятого решения требуется ввести репрезентативный, релевантный и корректно размеченный набор данных; б) алгоритмы работы нейронных сетей крайне сложны для интерпретации и, следовательно, результаты их работы могут быть подвергнуты сомнению и отменены человеком.

Наиболее релевантные нормативные положения, коррелирующие с указанными негативными особенностями, содержатся в пункте 19 рассматриваемого документа и обозначены в качестве одних из основных принципов развития и использования технологий ИИ:

- – безопасность: недопустимость использования систем ИИ в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий ИИ;
- – прозрачность: объяснимость работы систем ИИ и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий ИИ, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы систем ИИ. Кроме того, стратегией предусмотрено создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ, в том числе разработки этических правил взаимодействия человека с ИИ.

Во исполнение Национальной стратегии развития ИИ в 2020 году распоряжением Правительства РФ была утверждена отечественная Концепция ИИ. В ней указывается, что повышение степени автономности систем ИИ, снижение контроля человека за процессом их применения, не полностью прозрачный процесс принятия решений создают общественный запрос на регуляторные ограничения применения систем ИИ и робототехники. Конкретные предложения в целях обеспечения прозрачности и подотчетности ИИ содержатся только в части, касающейся нормативного правового регулирования использования систем ИИ в государственном (муниципальном) управлении. Отмечается, что для решения такой концептуальной проблемы регулирования, как использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок и невозможность в ряде случаев полного объяснения принятого ими решения (проблема прозрачности и подотчетности систем ИИ), требуется: а) создание механизма пересмотра решений, принятых с помощью систем ИИ; б) утверждение прозрачных правил оценки соответствия систем ИИ и робототехники требованиям безопасности, выработка механизма оценки эффекта от их применения с точки зрения

защиты основополагающих прав человека и гражданина (защита от дискриминации и избирательного правоприменения, сокращение рисков разглашения конфиденциальной информации и др.).

Как в Национальная стратегия развития ИИ, так и в Концепции ИИ прозрачность и подотчетность функционирования систем ИИ признается в качестве важной проблемы, однако в этих актах отсутствует достаточный объем нормативных требований, направленных на преодоление соответствующих негативных факторов. Стратегия в целом сфокусирована на развитии индустрии ИИ, рассматриваемая нами проблема не имеет в ней какого-либо приоритетного значения. Возможно, это объясняется тем, что документ носит стратегический характер и основная его цель – стимулирование развития отрасли ИИ. В таком случае более конкретный набор нормативных положений должен был бы найти свое отражение в Концепции ИИ, поскольку именно этот акт призван заложить основы для правового регулирования функционирования систем ИИ.

В 2021 году в Российской Федерации был также принят **Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта** (далее – Кодекс этики ИИ), устанавливающий общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ в своей деятельности.

Так, согласно пункту 1.4 Кодекса этики ИИ в целях обеспечения справедливости и недопущения дискриминации акторы ИИ должны принимать меры для того, чтобы удостовериться, что применяемые ими алгоритмы и наборы данных, методы обработки используемых для машинного обучения данных, при помощи которых осуществляется группирование и/или классификация данных, касающихся отдельных лиц или групп лиц, не влекут их умышленную дискриминацию. Акторам рекомендуется создавать и применять методики и программные решения, выявляющие и препятствующие возникновению дискриминации по признакам расовой, национальной, половой принадлежности,

политических взглядов, религиозных убеждений, возраста, социального и экономического статуса или сведений о частной жизни (при этом дискриминацией не может признаваться явно задекларированные актором ИИ правила функционирования или применения систем ИИ для разных групп пользователей, сегментированных с учётом таких признаков).

В соответствии с пунктом 3.1 Кодекса этики ИИ акторам ИИ следует обеспечивать комплексный надзор человека за любыми системам ИИ в объеме и порядке, зависящих от назначения систем ИИ, в том числе, например, фиксировать существенные решения человека на всех этапах жизненного цикла систем ИИ, или предусматривать регистрационные записи работы систем ИИ; обеспечивать прозрачность применения систем ИИ и возможность отмены человеком и (или) предотвращения принятия социально и юридически значимых решений и действий систем ИИ на любом этапе жизненного цикла систем ИИ там, где это разумно применимо.

При этом стоит обратить внимание, что присоединение акторов к Кодексу этики ИИ, а также следование его рекомендациям осуществляется на добровольной основе. Представляется, что с учетом того, что массовое внедрение непрозрачного и неподотчетного ИИ в общественное пространство несет существенную угрозу нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина, применение подхода, основанного исключительно на добровольном саморегулировании соответствующих субъектов, является большим риском со стороны государства. С этой точки зрения целесообразным является решение Совета по развитию цифровой экономики Совета Федерации ФС РФ, которым поручено профильным министерствам разработать меры для исключения «дискриминации граждан» искусственным интеллектом и порядка обжалования его решений.

Ряд норм, имеющих отношение к системам автоматизированного принятия решений, установлен также в законодательстве, регулирующем

оборот персональных данных. Так, в соответствии со статьей 16 Федерального закона «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152-ФЗ) в Российской Федерации запрещается принимать решения, порождающие правовые последствия, на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных. Данная статья сформулирована таким образом, что несмотря на общий запрет разрешается принятие соответствующих решений, во-первых, при наличии согласия субъекта персональных данных, выраженного в письменной форме, во-вторых, в случаях, предусмотренных федеральными законами. Иными словами, законодательство о персональных данных не содержит исчерпывающий перечень случаев, при которых разрешается принимать решения на основании автоматизированной обработки персональных данных.

Относительно прозрачности алгоритмов в рассматриваемом законе указано, что оператор обязан разъяснить субъекту персональных данных порядок принятия решения на основании автоматизированной обработки персональных данных, возможные юридические последствия, а также предоставить возможность заявить возражение против такого решения. Однако разъяснение субъекту персональных данных порядка принятия решения на основании автоматизированной обработки персональных данных не означает, что субъекту персональных данных должна быть предоставлена информация относительно логики принятого решения. Рассматриваемые положения касаются не того, как именно принято решение, к примеру, что положено в его основу, а скорее процедуры его принятия. Из указанного следует, что субъект персональных данных, несмотря на то, что наделен правом подать возражение на решение, фактически им воспользоваться не сможет, поскольку не будет знать, как именно было принято решение. В то же время основополагающей задачей правового регулирования должно являться создание условий, при которых человек имеет право на получение исчерпывающей информации относительно логики принятого в его отношении решения. Достижение

указанной цели не обязательно ведет к раскрытию программного кода, речь идет о реализации мер, направленных на объяснение человеку причинно-следственной связи соответствующего решения.

Краткие выводы:

1. В действующем законодательстве Европейского союза отсутствует комплексный нормативный правовой акт, направленный на регулирование использования ИИ в общественной сфере. Отдельные требования о прозрачности и подотчетности ИИ содержится в законодательстве, регламентирующем оборот персональных данных, в отношении применения автоматизированных систем принятия решений. Согласно этим положениям на контролеров возлагается обязанность предоставлять определенный объем информации субъекту персональных данных, связанной с процессом принятия в его отношении алгоритмом решения.

2. Европейский правовой подход основывается на примате прав человека над интересами субъектов, извлекающих экономическую и иную выгоду от использования систем ИИ. Обеспечение прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ строится на том, что в случаях, когда речь идет про использование высокорисковых систем ИИ, необходимо применение исчерпывающих правовых требований в отношении: данных и управления ими; технической документации; регистрации событий, связанных с работой системы ИИ, в специальный реестр; предоставления информации пользователям; регулярного контроля со стороны компетентных органов.

3. В Соединенных Штатах Америки в обеспечении прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ главную роль осуществляют исполнительные органы власти. Действует Указ Президента США, регламентирующий использование систем ИИ в деятельности федеральных государственных органов, в нем, в частности, содержатся

значительные требования по обеспечению прозрачности и подотчетности систем ИИ. Кроме того, граждане, подвергающиеся тому или иному негативному воздействию со стороны систем ИИ, защищены положениями антидискриминационных законов, которые активно применяются на практике, в частности, Федеральной комиссией по торговле в целях обеспечения прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ.

4. В законодательстве некоторых штатов приняты нормативные правовые акты, непосредственно посвященные вопросам прозрачности и подотчетности автоматизированных систем принятия решений, положения которых запрещают, например, при прогнозировании поведения потребителей использовать различные запрещенные идентифицирующие признаки (пол, раса, место проживания и т.п.). В других штатах предпринимаются попытки принятия таких актов посредством внесения законодательных инициатив.

5. Действующее в Российской Федерации законодательство не содержит нормативных положений, регулирующих в достаточной мере вопросы прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ. Отечественный подход к правовому регулированию функционирования систем ИИ, применение которого позволило бы обеспечить их прозрачность и подотчетность, находится на этапе становления и, следовательно, в настоящее время требуется разработка конкретных нормативных требований в отношении обеспечения прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ.

6. Специфика российского законодательства в сфере персональных данных, выраженная в том, что его положения имеют сквозной характер и распространяются на все сферы общественных отношений, позволяет утверждать, что – по аналогии с европейской практикой – целесообразно расширить права субъектов персональных данных, связанные с получением информации относительно принятых системами ИИ в их

отношении решений.

§3. Причинение вреда искусственным интеллектом: поиск оптимального субъекта юридической ответственности

Системы ИИ обладают высоким потенциалом использования в критически важных для общества сферах, например, в государственном управлении и правоохранительной деятельности, здравоохранении и образовании, финансах и промышленности. Следует согласиться с тезисом, что целесообразно выводить отдельные системы ИИ на рынок при условии, когда они действуют безопаснее и эффективнее, чем среднестатистический человек в аналогичной сфере деятельности.

Имеются разные прогнозы относительно того, насколько безопасными могут стать те или иные процессы в результате автоматизации. В частности, в экспертном сообществе существует устойчивое мнение, что использование беспилотных транспортных средств может существенно снизить количество человеческих ошибок. В то же время именно человеческий фактор в подавляющем большинстве случаев является причиной дорожно-транспортных происшествий. Учитывая, что в результате ДТП на российских дорогах только в 2020 году погибло более 16 тысяч человек, разработка и последующая эксплуатация беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования вызывает все больший интерес не только у производителей и потенциальных покупателей, но и у государства.

Несмотря на оптимистичные прогнозы очевидным является и то, что происшествия, в которых действия систем ИИ будут приводить к причинению вреда третьим лицам, неизбежны. Указанное обстоятельство актуализирует вопрос об эффективности и справедливости установленного в российском правовом порядке подхода к определению субъекта юридической ответственности в случаях, когда третьим лицам причинен вред действиями систем ИИ. Следует ли считать, что устоявшееся

правовое регулирование к установлению субъекта ответственности в этих случаях является адекватным и учитывает особенности таких правоотношений либо требуется их существенное переосмысление.

Англо-американская и континентальная правовые системы.

Деликтное право имеет долгую историю развития, в ходе которой юристы разрабатывали и совершенствовали различные подходы к установлению субъекта внедоговорной ответственности за правонарушения, повлекшие причинение вреда. Так, общими основаниями ответственности в англо-американской правовой системе являются умышленные правонарушения, неосторожные правонарушения и правонарушения в рамках строгой ответственности. В то же время в континентальной правовой системе обязательства возникают вследствие виновной ответственности, строгой ответственности и ответственности за других лиц. Виновная ответственность в континентальной системе является более объемной категорией, чем в англо-американской, поскольку она уже включает в себя и умышленные (намеренный наезд на человека и т.д.) и неосторожные правонарушения (причинение вреда несоблюдением правил дорожного движения). В англо-американской системе, напротив, строгая ответственность (производство товара с недостатком и т.д.) имеет более широкое значение, поскольку ответственность за других лиц, которая в континентальной системе является самостоятельным основанием ответственности, также возлагается в рамках указанной модели.

Авторами в настоящем параграфе изучаются обобщенные подходы к установлению субъекта ответственности, наиболее применимые в отечественном праве к отношениям, возникающим вследствие причинения вреда системами ИИ третьим лицам. Таковыми, на наш взгляд, являются виновная ответственность, субсидиарная ответственность и строгая ответственность. Представляется целесообразным рассмотреть, каким образом будет устанавливаться субъект ответственности в рамках каждого из указанных подходов с тем, чтобы выявить их преимущества и

недостатки.

Виновная ответственность. В рамках виновной ответственности основным фактором, определяющим ответственную сторону, является наличие вины. Виновная ответственность возлагается как при наличии умысла, так и в случае неосторожности. При этом владелец системы ИИ не является единственным лицом, потенциально несущим ответственность, последняя может быть в равной степени возложена на владельца, производителя и оператора системы ИИ, поддерживающего его работу.

Преимуществом такого подхода считается то, что ответственными могут быть признаны любые субъекты, вина которых установлена. Ответственность возлагается на справедливых условиях, никто не будет возражать, что в случае наличия вины, соответствующий субъект должен нести ответственность. Указанное предполагает гибкость нормативного правового регулирования, поскольку отсутствует заранее определенный и исчерпывающий круг ответственных субъектов. Представляется, что такой подход является благоприятным прежде всего для производителей и операторов систем ИИ в связи с тем, что отличается отсутствием строгих ограничительных норм, которые могли бы тормозить развитие индустрии высоких технологий.

В научной литературе имеется предложение, продиктованное желанием создать стимулирующие условия для данного сектора, применять ответственность за неосторожные правонарушения в тех случаях, когда производитель может доказать, что конкретный вид систем ИИ безопаснее разумного человека, действующего в аналогичной сфере. Вместе с тем для признания субъекта ответственным за допущенную неосторожность необходимо определить стандарт разумного поведения. Когда речь идет о человеке, то сравнивается поведение в целом с принципом разумного поведения человека. Инициатор самой идеи полагает целесообразным сравнивать системы ИИ не с человеком, а с

другими среднестатистическими системами ИИ. И если системы ИИ при причинении вреда действовали как любые другие корректные системы ИИ, тогда применяются правила ответственности за неосторожность и, следовательно, необходимо установление виновного субъекта. Вместе с тем представляется трудновыполнимой задачей определение стандарта разумного поведения систем ИИ, поскольку в зависимости от многочисленных технических характеристик различные системы ИИ могут существенно отличаться друг от друга.

Применение виновной ответственности также имеет и ряд существенных недостатков. Данный подход основывается на принципе предсказуемости: чем более непредсказуемым будут обстоятельства причинения вреда, тем сложнее будет привлечь пользователя или разработчика к ответственности. Данный принцип используется при определении круга потенциальных истцов и объема возмещаемого ущерба.

Кроме того, системы ИИ представляют собой программное обеспечение или программно-аппаратные комплексы, состоящие из множества элементов, в разработке и поддержке работы которых может принимать участие широкий круг субъектов. Можно себе представить, что организация, отвечающая за эксплуатацию плотины и выработку электроэнергии, в целях повышения операционной эффективности передает управление плотинной системе ИИ. Она устанавливает большое количество датчиков по всей плотине, которые собирают данные о температуре, влажности, уровне воды и других показателях и отправляют их через сеть системе ИИ. Последний постоянно отслеживает данные датчиков и изменяет в зависимости от этого расход воды. Тем временем система ИИ самообучается, изучая показатели всех контролируемых датчиков, что позволяет производить наибольшее количество электроэнергии с наименьшими эксплуатационными расходами.

Представим, что однажды ночью система ИИ полностью открывает

аварийные шлюзы и затапливает тысячи домов, расположенных ниже по течению. В рамках расследования практически невозможно было бы достоверно установить причинно-следственную связь. Варианты могли бы включать в себя: ошибку в программном обеспечении или в обучении; дефект конструкции и/или производства датчиков; непредвиденные последствия от множественных вводных данных; ошибочную работу системы ИИ, основанную на датчиках или удаленных данных; внешнее вмешательство, которое могло быть случайным или умышленным. При таких обстоятельствах установить виновного субъекта и, следовательно, ответственную сторону будет довольно сложно.

На наш взгляд, потенциальный вред от применения модели безвиновной ответственности (невозможность восстановить права потерпевшего вследствие сложности установления виновного субъекта) превышает ожидаемую пользу (стимулирование развития отрасли инновационных технологий).

Субсидиарная ответственность. Субсидиарная ответственность отходит от общего правила, что ответственность несет тот субъект, который причинил вред. Напротив, ответственность несет одно лицо за действия, совершенные другим. Как правило, она применяется в отношении действий несовершеннолетних, работников, а также агентов. Для применения субсидиарной ответственности, во-первых, должны существовать отношения между субъектами, которые подпадают под определенные категории, например, дети и родители, работник и работодатель, агент и принципал, во-вторых, противоправное деяние должно иметь место в рамках этих отношений.

При использовании субсидиарной ответственности в сфере использования систем ИИ подразумевается, что последние обладают элементами правосубъектности и не воспринимаются как объекты. В то время как виновная и строгая ответственность, как правило, квалифицируют системы ИИ как объекты. При таких обстоятельствах

системы ИИ должны иметь определенные активы, в пределах которых они будут нести ответственность, и в случае их нехватки субсидиарная ответственность будет возлагаться на лицо, в чьих интересах оно действовало. Стоит также отметить, что субсидиарная ответственность лучше приспособлена к случаям применения общего ИИ, который будет обладать высоким уровнем автономности и широкой сферой применения.

Тот факт, что субсидиарная ответственность обычно ограничивается определенной сферой деятельности агента является как преимуществом, так и недостатком. Это означает, что не каждое действие систем ИИ обязательно будет приписываться его владельцу или оператору и в таких случаях может возникнуть пробел в правовом регулировании. Чем дальше системы ИИ будут отклоняться от заданной сферы функционирования, тем больше вероятность возникновения сложностей с установлением субъекта ответственности. Представляется, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе, когда системы ИИ продолжают функционировать в узко ограниченных сферах, применение рассмотренного подхода менее актуально.

Строгая (безвиновная) ответственность. Основная характеристика строгой ответственности заключается в том, что заранее определенный субъект несет ответственность за действия систем ИИ вне зависимости от каких-либо обстоятельств, в том числе вины. Наиболее известными примерами строгой ответственности являются ответственность за причинение вреда в ходе осуществления деятельности, имеющей повышенную опасность для окружающих, а также вследствие недостатка товара. Последнее также называется ответственностью производителя, в рамках которой ответственность за причинение вреда несет производитель товара, имеющего недостаток. Существенным условием является наличие недостатка в товаре, который и привел к причинению вреда. При использовании источника повышенной опасности строгую ответственность несет его владелец, поскольку присущие указанным

объектам конструктивные и иные особенности создают повышенный риск причинения вреда окружающим.

К преимуществам строгой ответственности можно отнести то, что существует предсказуемость в том, кто несет ответственность в случае каких-либо происшествий. Это особенно выгодно для потерпевших, потому что отсутствует необходимость в установлении виновной стороны. Так, при применении строгой ответственности к отношениям, возникшим вследствие затопления домов из вышеупомянутого в настоящем параграфе примера, причиненный вред в полном объеме должна была бы возместить компания, владеющая системой ИИ, установленной для управления плотиной. Таким образом, была бы преодолена проблема невозможности достоверного установления виновных субъектов. В то же время если компания доказала бы наличие недостатка в товаре, то строгая ответственность была бы возложена на производителя. Следует отметить, что такой подход в большой мере способствует повышению требований безопасности к производству и эксплуатации систем ИИ со стороны производителей и владельцев, поскольку они несут прямую ответственность за потенциально возможные случаи причинения вреда.

В Российской Федерации многие системы ИИ (беспилотные транспортные средства, дроны, роботы-хирурги и т.д.) могут квалифицироваться как источники повышенной опасности, а их применение как деятельность, несущая повышенный риск для окружающих. Так, «источниками повышенной опасности следует считать определенные предметы материального мира (механизмы, устройства, автомашины и т.д.), проявляющие в процессе деятельности по их использованию (эксплуатации) вредоносность, не поддающуюся или не в полной мере поддающуюся контролю человека, в результате чего они создают опасность для окружающих». К таким случаям применяется положение гражданского законодательства о том, что юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для

окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего (п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). В случае если причиной вреда стал недостаток систем ИИ, а также работы или услуги, связанной с обеспечением его функционирования, он подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет (ст. 1095 ГК РФ).

Таким образом, в Российской Федерации ответственность за причинение вреда с участием систем ИИ возлагается по правилам строгой ответственности: либо на его владельца, либо на изготовителя, лица, оказавшего услугу, если имел место недостаток. Поддерживая такой подход, В.А. Лаптев указывает, что по общему правилу ответственность должна возлагаться на владельца системы ИИ. Также отмечается, что вторым ответственным лицом является разработчик (создатель) системы ИИ, поскольку владелец не всегда влияет на его техническую работу. При таком варианте ответственность возлагается в порядке статьи 1095 ГК РФ, в соответствии с которой обязательства возникают вследствие причинения вреда недостатками товаров, работ или услуг. Уязвимое место данной позиции усматривается в том, что порой обнаружить ретроспективно недостаток товара, работы или услуги, если речь идет о системе ИИ, может оказаться крайне трудной задачей.

Положительно оценивая вышеизложенный подход нельзя игнорировать и отрицательные стороны строгой ответственности. В частности, принцип безусловной ответственности в целом не является гибким инструментом нормативного правового регулирования и тем самым не отражает всю многогранность общественных отношений в рассматриваемой сфере: широкий круг субъектов, различный их вклад в

фактическое функционирование систем ИИ, определенная степень самостоятельности систем ИИ, сложность их технической конструкции и многие другие факторы. Несложно представить, что условия, при которых владелец системы ИИ несет безусловную ответственность, не являются привлекательными для потенциальных покупателей, поскольку безопасное функционирование систем ИИ в большинстве случаев будет зависеть не от них и мало кто захочет нести столь высокий риск.

Тем не менее, на наш взгляд, строгая ответственность является наиболее предпочтительным подходом. Однако в большинстве случаев ответственность целесообразнее возлагать не на владельцев, а на операторов, которые обеспечивают корректное функционирование систем ИИ. Ведь именно эти субъекты, а не владельцы, в наибольшей мере, как правило, влияют на фактическую работу систем ИИ.

Обоснованным является предложение экспертов Европейской комиссии, изложенное в отчете «Ответственность за искусственный интеллект и другие развивающиеся цифровые технологии», суть которого в применении «принципа наибольшего контроля за функционированием ИИ». То есть строгая ответственность возлагается на лицо, которое в наибольшей степени контролирует работу систем ИИ. В рамках данного подхода эксперты выделяют две группы операторов (потенциальных субъектов ответственности): «фронтенд оператор» и «бэкенд оператор». Под фронтенд оператором понимается лицо, которое фактически управляет и получает выгоду от функционирования систем ИИ. Бэкенд оператор – лицо, постоянно обеспечивающее корректное функционирование систем ИИ и предоставляющее необходимую поддержку.

В отечественном законодательстве более привычны понятия владелец и оператор, которые по своему смыслу коррелируют с терминами фронтенд оператор и бэкенд оператор. С этой точки зрения целесообразно ввести не новые юридические категории, а изменить

подход к строгой ответственности таким образом, чтобы она возлагалась на владельца или оператора с учетом принципа фактического контроля. По причине сложности и автономности рассматриваемых технических средств ответственность, как правило, будет возлагаться на оператора (бэкенд оператора). Конкретный владелец системы ИИ (фронтенд оператор) достаточно редко сможет непосредственно руководить их функционированием, ограничиваясь в основном постановкой конкретной цели (например, продать товар, доехать из точки А в точку Б). Обеспечивать их функционирование (техническое состояние, программное обеспечение, наборы данных и т.п.) будет именно оператор.

Применительно к ответственности за недостаток товара (работы или услуги), ее следует возлагать на соответствующее лицо, даже если недостаток выявлен после введения его в эксплуатацию, при условии соблюдения операторами правил использования. В некоторых случаях функционирование систем ИИ будет осуществляться технологическими компаниями, которые одновременно могут являться производителями, операторами и владельцами.

Краткие выводы:

а. 1. Применение виновной ответственности, т.е. ответственности, основанной на умысле или неосторожности, к правоотношениям, возникшим вследствие причинения системами ИИ вреда третьим лицам, является нецелесообразным ввиду сложности достоверного установления виновной стороны. Чрезмерные риски ухода от ответственности виновных и, соответственно, потенциальные проблемы восстановления прав потерпевших превышают имеющиеся у данного подхода преимущества.

б. 2. Использование субсидиарной ответственности предполагает наличие у систем ИИ элементов правосубъектности, а также наличие определенных отношений с иными традиционными субъектами, в

интересах которых они функционируют. Данный подход лучше применим к общему ИИ, сфера функционирования которого достаточно универсальна. В связи с тем, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе появление таких систем ИИ не прогнозируется, данный подход к установлению субъекта ответственности в настоящее время не является востребованным.

с. 3. Строгая ответственность представляется наиболее адекватным подходом к установлению субъекта ответственности за причинение системами ИИ вреда третьим лицам. Вместе с тем необходимо изменение действующего подхода таким образом, чтобы при установлении виновной стороны учитывался принцип наибольшего контроля за функционированием систем ИИ. Применение данного принципа приведет к тому, что ответственность будет возлагаться либо на оператора, либо на владельца системы ИИ с учетом степени фактического контроля. В связи с тем, что чаще всего именно оператор будет обладать большим контролем за работой систем ИИ, ответственность не будет возлагаться по умолчанию на владельца, как это предусмотрено действующим законодательством. Указанное обстоятельство позволит смягчить недостаток строгой ответственности, который заключается в чрезмерной жесткости в определении виновной стороны, и тем самым будет применяться более сбалансированный подход, учитывающий интересы всех субъектов общественных отношений.

§4. Правовое регулирование в сфере функционирования искусственного интеллекта: рекомендации по разрешению прикладных задач

Современное состояние правового регулирования применения систем ИИ в Российской Федерации характеризуется тем, что органами власти принято достаточно большое число разноуровневых нормативных правовых актов, которые носят либо концептуальный характер, либо

регулируют отдельные частные вопросы использования данных систем. На федеральном уровне принята Национальная стратегия развития ИИ, которая, во многом, является отправной точкой формирования существующей концепции. В рамках стратегии определены ключевые направления нормотворческой политики до 2030 года, которые с разной долей успешности развиваются в законодательстве РФ.

Во-первых, Национальной стратегией развития ИИ предполагается совершенствование порядка доступа к данным, в том числе в целях проведения научных исследований, создания систем ИИ, а также разработки иных технологических решений. На сегодняшний день в ФЗ № 152-ФЗ внесены изменения, предусматривающие, что обработка персональных данных, полученных в результате обезличивания персональных данных, а также данных, касающихся состояния здоровья, осуществляется в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления, а также в иных целях, предусмотренных законодательством о «регуляторных песочницах».

Что касается более общего подхода к развитию порядка доступа к данным для развития систем ИИ, то в Государственную Думу внесен законопроект, направленный на обеспечение благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных с использованием современных технологий. Законопроектом предполагается установить возможность субъектов персональных данных предоставлять согласие на обработку персональных данных одновременно на несколько целей и нескольким операторам.

Во-вторых, предполагается разработка и установление процедур упрощенного тестирования и внедрения систем ИИ, а также делегирования данным системам возможности принятия отдельных решений. Как уже отмечалось ранее, тестирование инновационных продуктов осуществляется в рамках специальных правовых режимов (регуляторных песочниц). Согласно сведениям из реестра

экспериментальных правовых режимов, который ведется Министерством экономического развития РФ, с инициативным предложением об установлении экспериментального правового режима обратились более 70 субъектов. Из них к настоящему времени положительные заключения получили 3 заявки, соответствующие инициативные предложения внесены в Правительство РФ для рассмотрения вопроса о принятии решений об установлении экспериментальных правовых режимом и утверждении их программ.

Первое одобренное инициативное предложение поступило от ООО «Яндекс.Испытания», компанией предлагается осуществлять эксплуатацию высокоавтоматизированных транспортных средств двух категорий: а) транспортное средство, осуществляющее движение с водителем-испытателем на переднем пассажирском сидении; б) транспортное средство, осуществляющее движение без водителя (в том числе водителя-испытателя) в салоне, при удаленных маршрутизации и диспетчеризации со стороны оператора. В рамках второго инициативного предложения рядом компаний предлагается создание условий для применения на территории Томской области современных беспилотных авиационных систем, являющихся одной из разновидностей высокоавтоматизированного транспорта, с целью доставки широкого спектра грузов, выполнения аэрофотосъемки, проведения сельскохозяйственных работ. И, наконец, третье инициативное предложение является аналогичным второму, однако с той разницей, что им предусматривается создание условий для применения современных беспилотных авиационных систем на территориях ряда других субъектов Российской Федерации.

Стоит также обратить внимание на то, что одновременно с вышеописанными экспериментальными правовыми режимами, создание которых предусмотрено ФЗ № 258-ФЗ в Российской Федерации действует также ФЗ № 123-ФЗ который устанавливает порядок проведения

эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в г. Москве.

Вопросы делегирования данным системам возможности принятия отдельных решений на сегодняшний день не нашли отражения в законодательстве, однако в будущем потенциально возможно создать один или целый ряд экспериментальных правовых режимов для выработки наиболее адекватного нормативного правового регулирования.

В-третьих, рассматриваемым документов предусматривается необходимость устранения административных барьеров при экспорте продукции гражданского назначения с системами ИИ, а также стимулирование привлечения инвестиций посредством совершенствования механизмов совместного участия инвесторов и государства в проектах, связанных с системами ИИ.

В связи с тем, что системы ИИ часто могут относиться к критическим инновациям или продукции двойного назначения, их экспорт затрудняется государственным регулированием. На сегодняшний день продукты с системами ИИ поставляются в иностранные государства в сфере сельского хозяйства и транспорта (например, система автономного управления сельскохозяйственной техникой СП СБЕРа и Cognitive Technologies).

Что касается совместного участия инвесторов и государства в проектах, связанных с системами ИИ, то наиболее распространенными способами такого сотрудничества являются концессионные соглашения и государственно-частное партнерство. Данные формы совместного участия неоднократно использовались для внедрения в общественное пространство отдельных технологических решений с системами ИИ (например, в сфере «умного города», городских парковок, штрафов за нарушения ПДД, технологий в сфере медицины и т.п.), однако какая-либо специфика нормативного-правового регулирования их заключения в связи

с использованием продуктов с системами ИИ отсутствует. Представляется, что число таких форм сотрудничества для практического внедрения систем ИИ в разные сферы общественной жизни будет расти, особенно по истечению сроков функционирования экспериментальных правовых режимов. Накопленный в ближайшие годы опыт позволит унифицировать ряд положений и упростить заключение такого вида соглашений, в том числе, в сфере ИИ.

В-четвертых, Национальной стратегией развития ИИ предусмотрено создание единых систем стандартизации и оценки соответствия технологических решений, разработанных на основе ИИ, развитие международного сотрудничества Российской Федерации по вопросам стандартизации и обеспечение возможности сертификации продукции (работ, услуг), созданной на основе ИИ. В рамках реализации данных положений утверждены и введены в действие такие национальные стандарты, как: ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта», ПНСТ 416-2020 «Система киберфизическая. Общие положения», ПНСТ 417-2020 «Система киберфизическая. Термины и определения», ГОСТ Р 59525-2021 «Информатизация здоровья. Интеллектуальные методы обработки медицинских данных. Основные положения».

В-пятых, по вопросу разработки этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом, что также предусмотрено стратегией, в 2021 году принят Кодекс этики ИИ. Положения данного документа распространяются на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий ИИ на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования. Однако документ имеет лишь рекомендательную силу для участников делового оборота. Более подробно данный документ был рассмотрен в параграфе

2.2.

Следующим актом, который был принят во исполнение рассматриваемой стратегии и дополняет отечественный подход к правовому регулированию сферы ИИ является Концепция ИИ.

Таким образом, отечественная концепция нормативного правового регулирования применения систем ИИ является достаточно гибкой. Основной «каркас» регулирования составляют концептуальные положения и подзаконные акты. Законодательное закрепление по большей части нашли положения, связанные с функционированием экспериментальных правовых режимов. Из данных положений следует, что российский законодатель и правоприменители на период, как минимум, до 2025 года избрали подход «невмешательства», который предполагает анализ накопленного в рамках экспериментальных правовых режимов опыта. Это позволит в дальнейшем разработать и совершенствовать общее правовое регулирование. В ходе рассмотрения концепции нормативного правового регулирования применения систем ИИ, которая находится на стадии апробации отдельных результатов, нами выявлены две группы вопросов, требующих нормативного правового разрешения.

К первой группе мы относим вопросы, которые требуют срочной регламентации, поскольку применение систем ИИ в отдельных сферах создает высокие риски нарушения прав человека. Для минимизации возможных негативных последствий авторами предлагается принятие ряда конкретных мер.

Во-первых, в России активно ведется разработка и внедрение систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности. На данный момент отсутствует специальное регулирование применения данного комплекса технологических решений. Их использование связано общими нормами Конституции РФ, ст. 151.1 и 151.2 ГК РФ, а также ФЗ № 152-ФЗ и № 149-ФЗ.

В соответствии с ФЗ № 152-ФЗ обработка персональных данных, в том числе биометрических, для установления личности субъекта персональных данных возможна только с письменного согласия последнего за исключением случаев, представляющих публичный интерес. Вопрос законности использования систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности неоднократно поднимался в правоприменительной практике, однако суды всегда вставали на защиту интересов государства.

Вместе с тем в последнее десятилетие российские власти активно занимаются развертыванием систем камер с программным обеспечением, использующим системы ИИ для удаленной биометрической идентификации личности. По данным доклада «Распознавание лиц: предчувствие антиутопии», подготовленного правозащитными группами «Сетевые свободы» и «Агора», подобные системы уже развернуты в 13 регионах. Указанные разрозненные системы планируется объединить в единую информационную систему в рамках проекта «Безопасный город».

Использование систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности в общедоступных местах способно повлиять на частную жизнь значительной части населения, вызвать ощущение постоянной слежки и косвенно препятствовать осуществлению свободы собраний и других основных прав человека. Кроме того, вызывает опасение точность функционирования данных систем, а также невозможность исправления допущенных ошибок при их использовании в режиме «реального времени». Также необходимо отметить, «что автоматическое распознавание лиц не просто отслеживает поведение, но и способно его изменить. Когда подозреваемый знает, что за ним следят, например, во время мирного протеста, его поведение может отличаться от того, каким оно было бы, если бы за ним не следили».

Таким образом, необходимо разработать изменения в законодательство РФ, которые регламентируют конкретные случаи

использования органами власти систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности. Наиболее адекватным подходом, который позволит защитить права человека, является введение временного запрета на применения систем ИИ для удаленной биометрической идентификации до того момента пока не будет выработан и широко обсужден с общественностью соответствующий комплекс юридических мер.

Данный комплекс мер должен содержать, во-первых, конкретный перечень ситуаций, в которых возможно использование систем ИИ для удаленной биометрической идентификации личности; во-вторых, перечень мест, в которых такие системы будут развернуты, а также способ информирования лиц о введённой идентификации; в-третьих, запрет идентификации личности на основе учета каких-либо дискриминирующих признаков; в-четвертых, гарантии защиты и уничтожения персональных данных; в-пятых, проведение регулярного аудита; в-шестых, запрет передачи данных граждан РФ иным государствам.

Также в Российской Федерации наблюдаются тенденции по развитию и объединению государственных информационных систем и систем биометрической идентификации в рамках единых государственных «суперсервисов», которые потенциально могут быть использованы для создания систем социального рейтинга. Комплексное правовое регулирование по ряду проблемных аспектов еще не выработано, однако ряд государственных информационных систем и сервисов уже используется на постоянной основе. Несмотря на то, что в Российской Федерации создание систем социального рейтинга открыто не анонсировалось ни одним из уровней органов государственной власти или местного самоуправления сложившийся «вакуум» правового регулирования вызывает опасения. Представляется, что законодательно необходимо не допустить возможность создания и применения социальных рейтингов как на общегосударственном уровне, так и на

уровне отдельных территориальных единиц или сфер общественной жизни.

Во-вторых, дальнейшего развития требуют подходы доступа к данным, необходимым для создания и обучения систем ИИ. Как уже отмечалось, в рамках экспериментального правового режима в г. Москве был предоставлен доступ к обезличенным персональным данным для государственных и муниципальных нужд, а также по соглашению с уполномоченным органом. На общегосударственном уровне данный вопрос неоднократно обсуждался, однако еще не нашел своего решения. На наш взгляд, одной из разумных мер стало бы закрепление в законодательстве категории «анонимные данные», а также процедуры анонимизации данных. Указанная процедура содержится в нормативных актах ЕС и позволяет анонимизировать данные, после чего они перестают быть персональными и на них не распространяются соответствующие законодательные ограничения. Введение аналогичных мер позволило бы иметь технологическому бизнесу более благоприятный доступ к получению данных.

Формирование сбалансированного подхода к правовому регулированию применения систем ИИ в среднесрочной перспективе потребует разрешения второй группы вопросов в связи с тем, что, с одной стороны, будут подведены первые результаты реализации проектов об установлении экспериментальных правовых режимов, с другой – будут определены наиболее перспективные направления технологического развития. Предлагаемые авторами меры могут быть учтены при разработке новой концепции на период после 2025 года.

Во-первых, в доработке нуждается терминологический аппарат, который используется сейчас отечественным законодателем. На наш взгляд, для формирования адекватной терминологии необходимо основываться на таких ключевых характеристиках систем ИИ, как возможность самообучения и автономность в рамках конкретных

обстоятельств. Однако не следует излишне перегружать законодательство техническими терминами и пытаться определить исчерпывающий перечень подходов и методов создания систем ИИ в рамках одного конкретного определения. Наиболее рациональным подходом будет создание и ведение органами исполнительной власти, иными компетентными органами либо саморегулируемыми организациями специального реестра, в котором будет содержаться постоянно обновляемая информация о том, какие подходы и методы создания программного обеспечения относятся к системам ИИ.

Во-вторых, в основе отечественной концепции правового регулирования применения систем ИИ предлагается также использовать риск-ориентированный подход. Классификацию систем ИИ, на наш взгляд, необходимо сформулировать на основе большего числа критериев, что позволит технологическому бизнесу проще определять соответствие продукта той или иной группе и осуществлять предварительную подготовку на соответствие всем нормативным требованиям. Оценка рисков при введении систем ИИ в эксплуатацию должна учитывать наряду с опасностью нарушения прав человека еще и технические характеристики отдельных систем ИИ, а также конкретные случаи и контекст их использования, уровень автономности.

В-третьих, в соответствии с действующим законодательством за причинение вреда системами ИИ третьим лицам ответственность несет ее владелец. Принцип строгой ответственности в целом не является гибким инструментом нормативного правового регулирования и тем самым не отражает всю многогранность общественных отношений в рассматриваемой сфере: широкий круг субъектов, различный их вклад в фактическое функционирование систем ИИ, определенная степень их самостоятельности и сложность технической конструкции и многие другие факторы. Несложно представить, что условия, при которых владелец систем ИИ несет безусловную ответственность, не являются

привлекательными для потенциальных покупателей, поскольку безопасное функционирование систем ИИ в большинстве случаев будет зависеть не от них и мало кто захочет нести столь высокий риск.

Первые шаги по формированию более гибкого подхода к установлению субъекта ответственности за причинение вреда системами ИИ третьим лицам предприняты в ранее рассмотренных проектах программ экспериментальных правовых режимов. В частности, в соответствии с проектом программы одного из экспериментальных правовых режимов за причинение вреда жизни и здоровью пассажира ВАТС 2 и (или) иным участникам дорожного движения в связи с недостатками при осуществлении маршрутизации и диспетчеризации ВАТС 2 ответственность возлагается на оператора. В то время как за причинение вреда пассажиру ВАТС 2 и (или) иным участникам дорожного движения в связи с недостатками дополнительного оборудования, установленного субъектом экспериментального правового режима на транспортное средство или технического состояния ВАТС 2, ответственность несут единоличный исполнительный орган субъекта экспериментального правового режима и (или) лица, ответственные за техническое состояние ВАТС 2.

При разрешении вопроса об установлении субъекта ответственности за причинение вреда системами ИИ третьим лицам нами предлагается применение строгой ответственности с учетом принципа наибольшего контроля за функционированием систем ИИ. Реализация данного принципа предполагает то, что ответственность несет либо оператор, либо владелец системы ИИ с учетом степени фактического контроля. В связи с тем, что чаще всего именно оператор будет обладать большим контролем за работой ИИ, ответственность не будет возлагаться по умолчанию на владельца, как это предусмотрено действующим законодательством. Предлагаемая нами мера позволит смягчить недостаток строгой ответственности, который заключается в чрезмерной жесткости в

определении виновной стороны, и тем самым будет применяться более сбалансированный подход, учитывающий интересы всех субъектов общественных отношений.

В-четвертых, как отмечалось во втором параграфе второй Главы отечественное законодательство не содержит специальных норм, устанавливающих требования к прозрачности и подотчетности функционирования систем ИИ. С учетом того, что в настоящее время наблюдается тенденция по широкомасштабному развертыванию систем ИИ в общественном пространстве представляется необходимым принятие норм, предусматривающих:

- – порядок сбора и методов обработки наборов данных системами ИИ, согласно которому входные наборы данных должны будут подвергаться проверке на предмет объективности и репрезентативности, в частности, необходимо будет запретить при обучении систем ИИ использование наборов данных, в которых содержатся сведения о поле, возрасте, этнической или религиозной принадлежности, политических взглядах и других дискриминационных признаках, потенциально способных привести к принятию в отношении человека предвзятых решений;

- – обязательное ведение специального реестра, в который автоматически будет записываться значимая информация о функционировании системы ИИ в течение всего жизненного цикла;

- – перечень публикуемой информации о конкретной системе ИИ: сведения о разработчике, предназначении, имеющихся ограничениях и встроенных возможностях совершенствования (при наличии), о результатах проверки компетентным органом до ввода в эксплуатацию, предполагаемый срок службы, меры по техническому обслуживанию и т.п.;

- – требования к проектированию и разработке систем ИИ, предполагающие их создание на основе принципов надежности,

безопасности и устойчивого функционирования;

- – порядок проведения внутреннего и внешнего аудита, в котором будет предусмотрена обязательная регулярная проверка систем ИИ, в частности тестирование в целях определения ошибок и неполадок функционирования как аппаратного, так и программного компонентов систем ИИ;

- – определение государственного органа, в компетенцию которого будет входить проведение регулярного внешнего аудита деятельности разработчиков систем ИИ на предмет соблюдения ими предложенных выше требований по обеспечению прозрачности и подотчетности функционирования рассматриваемых систем.

В-пятых, несмотря на то, что современный уровень технологического развития в краткосрочной перспективе не вызывает потребности в разработке правового механизма делегирования принятия решений системам ИИ, такая целесообразность может возникнуть в среднесрочной или долгосрочной перспективе в рамках отдельных правоотношений. При возникновении такой потребности одним из решений может стать создание специальной процедуры (например, с помощью государственного органа или саморегулируемой организации) присвоения системе ИИ статуса агента, в рамках которой будет осуществляться регистрация систем ИИ и последующее их внесение в соответствующий открытый реестр. При этом необходимо сформулировать набор правомочий каждой такой системы ИИ, которых владельцы наделяют в соответствии с целью их деятельности и сферой применения (по аналогии с уставом юридического лица). Сведения о наборе данных правомочий также должны будут вноситься в специальный реестр. Соответственно, необходимо защитить владельцев ИИ возможностью признания сделок, выходящих за рамки зафиксированных правомочий, недействительными. Неоднозначным является вопрос относительно оспоримости или ничтожности сделок, выходящих за

пределы полномочий ИИ. На наш взгляд, на первом этапе их опытной эксплуатации в общественном пространстве необходимо презюмировать такие сделки ничтожными, однако впоследствии возможен пересмотр данного подхода в зависимости от складывающейся фактической и правоприменительной практики.

Краткие выводы:

а. 1. В ходе рассмотрения концепции нормативного правового регулирования применения систем ИИ выявлены две группы вопросов, требующих нормативного правового разрешения.

б. 2. К первой группе относятся вопросы, которые требуют срочной регламентации, поскольку применение систем ИИ в отдельных сферах создает высокие риски нарушения прав человека. Для минимизации возможных негативных последствий авторами предлагается принятие ряда конкретных мер (использование систем ИИ для создания систем удаленной биометрической идентификации личности и систем социального рейтинга, а также совершенствование порядка доступа к данным).

в. 3. Формирование сбалансированного подхода к правовому регулированию применения систем ИИ в среднесрочной перспективе потребует разрешения второй группы вопросов в связи с тем, что, с одной стороны, будут подведены первые результаты реализации проектов об установлении экспериментальных правовых режимов, с другой – будут определены наиболее перспективные направления технологического развития (терминология в сфере ИИ, применение риск-ориентированного подхода, установление субъекта ответственности за причинение вреда системами ИИ, прозрачность и подотчетность функционирования систем ИИ, механизм делегирования принятия решений системам ИИ).

Заключение

В настоящем исследовании была предпринята попытка изучения фундаментальных юридических проблем, возникающих в связи с применением систем ИИ в общественном пространстве. Анализ подходов к разрешению указанных проблем позволил авторскому коллективу сформулировать рекомендации по разрешению прикладных задач правового регулирования. В ходе проведения междисциплинарного исследования авторским коллективом были достигнуты следующие результаты:

Во-первых, на основе изучения влияния технологического развития на общественные отношения в разные исторические периоды (технологические революции) выявлено, что автономность и самообучаемость материальных и нематериальных объектов, которые традиционно признавались объектами права, имеет революционное значение для юридической науки и практики. Данное обстоятельство требует выработки комплекса специальных правовых средств и подходов к правовому регулированию применения систем ИИ в общественном пространстве.

Во-вторых, разработка сбалансированного подхода к правовому регулированию применения систем ИИ потребовала выявления и разрешения таких сквозных фундаментальных юридических проблем, как делегирование принятия решений системам ИИ, определение субъекта ответственности за вред, причиненный системами ИИ, обеспечение прозрачности и подотчетности их функционирования.

В-третьих, по результатам исследования ключевых подходов к правовому регулированию применения систем ИИ, сложившихся в мировой практике, сформулированы перспективные направления совершенствования отечественной концепции правового регулирования применения систем ИИ, одновременно способствующие обеспечению

прав человека и технологическому развитию.

Проведенное исследование связано с современным уровнем технологического развития, однако дальнейшее развитие науки в сфере разработки подходов и методов создания систем искусственного интеллекта потенциально может создать иные актуальные юридические проблемы и прикладные задачи правового регулирования.